

ЮРИЙ МАРТЫНЕНКО

ТАЙНИКИ ПАРТИЗАНСКИХ ТРОП

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Юрий Дмитриевич Мартыненко
Тайники партизанских троп
Серия «Сибирский
приключенческий роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73865747

ISBN 978-5-4484-5294-9

Аннотация

Осень 1941 года. Чем ближе подходят фашисты к Москве, тем реальнее становится угроза японской оккупации Приморья, Приамурья и Забайкалья. Поэтому в тайге в условиях строжайшей конспирации закладываются базы с оружием, боеприпасами и продовольствием для будущих партизанских отрядов, подбираются опытные кадры для диверсионной работы в тылу врага. Этим занимаются сотрудники НКВД совместно с партийными и хозяйственными органами. В центре повествования молодой чекист Николай Мальков, который сумел выстоять и выжить, несмотря на сложные, порой трагические обстоятельства.

Мартыненко

Юрий Дмитриевич

Тайники партизанских троп

© Мартыненко Ю.Д., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

1

Жаркое, жадное на небесную влагу лето почти закончилось. Сухие грозы отгремели, отсверкали пустыми молниями. Но природа решила своё добрать. Третьи сутки над потемневшей от дождей сибирской тайгой беспросветно висят свинцовые тучи. Близится осень. Первая военная осень на закате 1941 года. Желательно, чтобы дожди прекратились. Начальству, тем более военному, не докажешь, что человек не в силах влиять на погодные условия. Но с 22 июня шла Великая Отечественная война, и многое теперь, похоже, зависело именно от человека.

«Что же, если потребуется, придётся повлиять и на природу, и на погоду», – иронично подумал начальник областного Управления НКВД Исая Исаевич Кондратюк и усмехнулся над собственной мыслью. Он задумчиво стоял у тёмного окна своего кабинета. За стёклами над широкой городской

улицей порывами ветра гудела непогода, усиливая тревогу в душе майора государственной безопасности. Форточка открыта. Дробно стучали по жестяному подоконнику капли дождя. Свежо тянуло августовской ночной прохладой. Кондратюк зябко повёл плечами, протянул руку и со стуком захлопнул форточку. Повернул задвижку, чтобы не открыло ветром. Майор госбезопасности не курил и форточку распахивал, чтобы проветрить кабинет свежим уличным воздухом.

...Исай Исаевич занял свою должность в первую перестройку деятельности органов НКВД. Она произошла после короткой растерянности в 1939 году, за два года до начала Великой Отечественной войны, когда чекисты занимались пересмотром ряда наиболее явно фальсифицированных следственных дел, избавляясь от одиозных деятелей «Большого террора». В этот период новых дел заводилось сравнительно мало. Вторая перестройка относится к первым месяцам после начала войны, когда репрессии, вновь достигшие в 1940 году высокого уровня, ещё более усилились и обрушились на те же категории лиц, которые атаковались в 1937–1938 годах. Следствием первой перестройки стала общая тенденция арестов по всей стране бывших начальников управлений и их заместителей. Только в 1939 году из НКВД СССР по компрометирующим материалам была уволена четверть оперативных работников. Однако наказание виновных в необоснованных репрессиях не способствовало «облагораживанию» методов работы советской политиче-

ской комиссии, поскольку сама политика этого террора не ставилась под сомнение...

Захлопнув форточку и задёрнув окно тяжёлой отсыревшей шторой, Исай Исаевич заказал по телефону чаю. Минут через пять дверь в кабинет открылась, дежурный принёс чай в подстаканнике.

– Благодарю, – кивнул Исай Исаевич.

Чай горячий, свежесваренный, от стакана подымался парок.

Кондратюк выдвинул нижний правый ящик двухтумбового рабочего стола, вынул блюдце с кусочками сахара-рафинада. Дотронулся до нагретшегося подстаканника, подул на чай, отхлебнул пару маленьких глотков. Резко зазвонил телефон. Отставив подстаканник, чекист поднял трубку.

– Здравия желаю, товарищ комиссар государственной безопасности третьего ранга! – прогоняя усталость, ответил приветствием звонившему.

На стене кабинета, напротив стола, часы начали отбивать свои методичные удары. Ровно двенадцать. Их удары наверняка слышали на другом конце провода. Там тоже отбивали часы, только ударов было шесть. И это слышал Кондратюк, потому что звонивший из наркомата комиссар третьего ранга, куратор управлений НКВД Сибири и Дальнего Востока, в этот момент молчал. С последним ударом часов по эту сторону провода комиссар третьего ранга заговорил по делу. Майор внимательно слушал, приподнявшись всем корпусом

тела над столом и отодвигая подстаканник левой ладонью от себя подальше.

– Да, товарищ комиссар третьего ранга. Есть исполнять! Совещание назначено на завтра, на десять утра. Точнее, уже на сегодня, – не отрывая взгляда от циферблата настенных часов, коротко и сухо отвечал Кондратюк. – Есть доложить. Так точно! Сразу после совещания!

Чай остывал. С хрустом раскусив квадратик рафинада, майор, словно передумав, положил кусочки сахара обратно на блюдце. Снова протянул руку к телефону.

– Дайте военный отдел обкома партии. Товарищ Лихонос? Это Кондратюк. Что у вас по совещанию? Изменений нет по плану вопросов? Нет? Хорошо. Что? Думаю, что такой необходимости нет. Сейчас по телефону, повторяю, нет такой необходимости. Что? Авиаторам? Какой смысл? Сами видите, какая непогода. На совещании и будем решать. Может быть, до десяти утра и прояснится, хотя метеосводки говорят обратное. Хорошо, будем надеяться! Отбой!

Начальник управления положил трубку на телефон и кинул взгляд на часы. Потрогал стакан. Чай совсем остыл, и пить его расхотелось.

* * *

До начала совещания, участниками которого должны были стать около десятка представителей различных областных

партийных и хозяйственных ведомств, Исай Исаевич зашёл к заведующему военным отделом обкома ВКП(б).

– Товарищ майор государственной безопасности, – встав со стула, поспешил навстречу, чуть не взяв под козырёк, тучный фигурой Лихонос.

– Присядем, Илья Николаевич. – Кондратюк указал рукой на служебный стол хозяина кабинета. – Я к вам, собственно, на пару минут. Должно быть, детально ознакомились? – кивнул Кондратюк, на принесённую с собой папку в серой клеенчатой обложке. – Я так понял из сегодняшнего телефонного разговора, что детально.

– Абсолютно точно, – быстро отреагировал Лихонос и вынул из ящика стола точно такую же папку в серой клеенчатой обложке.

– Два главных условия, которые мы должны сейчас рассмотреть на совещании. Прежде всего, акцентировать внимание ответственных лиц на двух главных моментах. Понимаете, Илья Николаевич?

Лихонос, не сводя глаз с Кондратюка, напряжённо ожидал продолжения начатого разговора.

– Да-да, понимаю, – запоздало ответил, потеряв широкой ладонью тяжёлый подбородок.

– Первое – это место выбора для размещения закладок. Второе – это отдалённость от населённых пунктов и одновременно доступность. – Чекист сделал паузу, как бы ожидая реакции Лихоноса.

– Что понимается под отдалённостью?

– Сформулирую мысль несколько иначе. Недоступность для противника и доступность, назовём их пока условно, для подпольщиков. То есть возможность быстро добраться до точки, взять необходимое, совершить акт возмездия и скрыться в тайге.

– По чисто партизанскому принципу?

– Можно и так считать, – согласился Кондратюк.

Лихонос толстыми пальцами выковыривал папиросу из надорванной пачки. Чиркнул спичкой о потёртый коробок. Сломал. Чиркнул второй и прикурил. Глубоко затянулся, выпустил густую струйку дыма прямо перед собой, видимо, пытаясь снять нервное напряжение. Кондратюк инстинктивно чуть отодвинулся со стулом подальше от стола.

– Извините, товарищ майор, – оправдываясь, махнул перед своим лицом мясистой ладонью, разгоняя облачко едкого папиросного дыма, Лихонос, подумав о том, что Кондратюк некурящий.

– Да ничего-ничего, – успокоил его собеседник и продолжил разговор: – Что касается отдалённости, то это понятие относительное. Под ним следует понимать не километры, а безлюдье. Охотничьи тропы опустели, поскольку ружья и боеприпасы у населения изъяты, поэтому всяческое пересечение с промысловиками в тайге исключено.

– Желателен бы опыт бывших красных партизан? – предложил Лихонос, выпуская струйки дыма в сторону.

– Желателен, да где ж их взять? – слегка нахмурился Кондратюк.

– Кого? – с удивлением спросил Лихонос.

– Красных партизан...

– Партизан? – с ещё большим удивлением переспросил Лихонос, поглядев на почти истлевшую папиросу.

– Да! – ответил Кондратюк и тоже посмотрел на искуренную до мундштука папиросу собеседника. Тот, перехватив взгляд, вдавил окурочок в стеклянную пепельницу, отодвигая её в сторону.

– А куда же они подевались? – машинально спросил Лихонос.

Кондратюк промолчал. Вопрос прозвучал чересчур прямолинейно, слишком в лоб. В своей должности майору непросто было ответить так же прямолинейно, то есть как куда? Да, пересажено их полным-полно, по лагерям ГУЛАГа они теперь. Но такой ответ Исай Исаевич мог держать в самом дальнем уголке своих мыслей. Поэтому он просто промолчал, а до Лихоноса только дошло, что ляпнул не то, и он прикусил язык, резко сменив тему.

– Операция проводится в режиме полной секретности, поэтому лишние люди должны быть строго исключены, – сказал Исай Исаевич. Подумав, добавил: – Можно доверять только самым проверенным товарищам.

В разговоре повисла пауза.

– Хорошо бы посмотреть по карте ещё более крупного

масштаба, чем та, которую имеем, – кивнул Лихонос на клее-
нчатую папочку.

– Что имеем, то имеем. Другой нет.

– Объёмы закладок известны?

– Пока нет.

– Сроки исполнения, конечно, прежние?

– Разумеется.

– Никак не увеличат? Хотя вопрос, конечно, глупый.

– Никак. Сократить могут.

– На подготовленный мною организационный план ещё
раз глянете?

– Есть дополнения?

– Дополнений нет. Тот вариант, с которым вы ознакоми-
лись, остаётся прежним.

– Хорошо, Илья Николаевич, время начинать совещание.

Ставить задачи, расставлять акценты кратко и жёстко, чтобы
задача была ясна и понятна всем и сразу в полном объёме, –
глянув на наручные часы и забирая свою папочку, подыто-
жил Кондратюк, вставая со стула.

Исай Исаевич, говоря о закладке тайников, упомянул о
подобной работе, проведённой ещё в конце двадцатых годов.

– Новое – это чаще всего хорошо забытое старое, – с
горькой иронией подчеркнул в одном из разговоров Кондра-
тюк, – но в нашем случае выходит, что не такое уж и забы-
тое...

Развёртывая подготовку страны и армии к отражению агрессии с Запада, Советское правительство не упускало из виду Японию, проводя мобилизационные мероприятия и на Дальнем Востоке. В июне 1940 года был воссоздан Дальневосточный фронт. Вскоре были усилены 1-я и 2-я Краснознамённые армии Дальневосточного фронта, вновь созданы управления трёх общевойсковых армий.

В первой половине 1941 года в соответствии с директивой народного комиссара обороны на Дальнем Востоке был сформирован механизированный корпус в составе двух танковых и одной механизированной дивизий. На новую штатную организацию были переведены шестнадцать стрелковых дивизий.

Большое пополнение получила авиация. На июнь 1941 года самолётный парк Дальневосточного фронта насчитывал 1737 самолётов. Кроме того, там был развёрнут корпус дальнебомбардировочной авиации.

К середине 1941 года Дальневосточный фронт был значительно укреплён. Одновременно были усилены Тихоокеанский флот и Краснознамённая Амурская военная флотилия.

Советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири оставались грозной силой, способной дать отпор японским войскам. Японское командование помнило сокрушительное по-

ражение на Халхин-Голе, когда императорская армия на собственном опыте испытала военную мощь Советского Союза. Германский посол в Токио Отт доносил Риббентропу, что на решение Японии о вступлении в войну против СССР оказывают влияние воспоминания о халхин-гольских событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии.

В Токио понимали, что одно дело – нанести удар в спину терпящему поражение противнику и совсем другое – вступить в сражение с подготовленной к современной войне регулярной армией такого мощного государства, как Советский Союз.

Оценивая группировку советских войск на Дальнем Востоке, газета «Хоти» подчёркивала в номере от 29 сентября 1941 года: «Эти войска остаются совершенно безупречными как в смысле обеспечения их новейшим вооружением, так и в смысле великолепной подготовки».

4 сентября 1941 года другая газета, «Мияко», писала: «Дело ещё не дошло до фатального удара по армии Советского Союза. Поэтому нельзя считать безосновательным вывод о том, что Советский Союз силён».

Обещание Гитлера захватить Москву с задержкой лишь на три недели осталось невыполненным, что не позволяло японскому руководству начать в запланированные сроки военные действия против СССР. Накануне намеченной даты начала войны, 28 августа, в «Секретный дневник войны» была внесена полная пессимизма запись: «Даже Гитлер ошиба-

ется в оценке Советского Союза. Что уж говорить о нашем разведуправлении? Война Германии продолжится до конца года... Каково же будущее империи? Поистине, будущее не угадаешь...»

* * *

Очередной телефонный разговор Исаия Исаевича с Москвой был долгим и обстоятельным. Завершая его, представитель центрального аппарата НКВД сделал акцент на полной неопределённости возможного развития событий.

– Имея опыт интервенции на территории Дальнего Востока и Сибири в годы Гражданской войны, когда неподготовленные к ведению войны в сложных условиях сибирской зимы японские войска несли большие потери и не могли проводить крупные наступательные операции, командование японской армии во всех планах и вооружённых провокациях исходило из необходимости избегать военных действий против СССР зимой. Наше командование учитывает этот факт, устанавливая сроки выполнения задачи, – подчеркнул куратор. – Но это не значит, что этой осенью и зимой мы можем позволить себе сидеть сложа руки. Кто знает, что придёт в голову японцам? Может, просто морочат нам голову и ударят в спину как раз в морозы, помня печальный опыт застрявших в грязи немцев... Вы понимаете это?

– Так точно, товарищ комиссар государственной безопас-

ности третьего ранга, – ответил Кондратюк.

– То, что вы понимаете, я даже не сомневаюсь, но как остальные ответственные работники, которые включены в комиссию?

– Я думаю, что так же понимают.

– Вы только думаете или уверены?

– Уверен.

– И это ещё не всё, – тихим, размеренным голосом продолжал комиссар, – нам известно, что японское руководство, заключая с нами пакт о нейтралитете, планировало использовать его отнюдь не в миролюбивых целях. Японский министр иностранных дел Мацуока ещё до подписания пакта о нейтралитете в беседе с Риббентропом и Шуленбургом заявил, что никакой японский премьер-министр не сможет заставить Японию сохранить нейтралитет, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В подобном случае Япония начнёт военные действия против нас. И этому не помешает имеющийся пакт. Хотя можно и возразить. Через несколько суток после этого заявления Мацуока поставил свою министерскую подпись под текстом пакта о нейтралитете, во второй статье которого говорилось, что в случае, если одна из сторон пакта окажется вовлечена в боевые действия, другая сторона обязуется соблюдать нейтралитет в течение всего конфликта. Водят нас за нос господ из Страны восходящего солнца. Потому, товарищ Кондратюк, на вас там, на восточных форпостах, возложена большая от-

ветственность. И это вы тоже, надеюсь, отлично понимаете?

– Да, товарищ комиссар государственной безопасности.

– Ну хорошо, Исай Исаевич, работайте. Докладывать лично мне ежесуточно.

– Так точно.

– В скором будущем вам надлежит вылететь в Москву на предстоящее оперативное совещание по вопросам выполнения постановления Государственного Комитета Оборона о развёртывании партизанского движения. Заслушиваться будет конкретно организационная работа в Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке. Время сообщим дополнительно. – Комиссар на том конце провода повесил трубку.

Для Кондратюка такая информация лишней раз подтверждала всю серьёзность работы, которую необходимо было провести с ювелирной точностью, тщательностью, исключив все возможные минусы... И ещё, что немаловажно и о чём подумал сразу после телефонного разговора. Вышестоящее ведомство из Москвы редко обращалось по имени-отчеству. За исключением разве что, если были очень близко и давно знакомы. Обращение по имени-отчеству считалось в системе НКВД редкостью.

* * *

Первые числа сентября 1941 года. Берлин. В здании японского посольского представительства, несмотря на довольно

поздний час, ярко горят многие окна. Сотрудники дипломатического аппарата знали о том, что именно в эти минуты послу Японии господин Осима предстоял непростой разговор в рейхстаге. Гитлеровское руководство всё более настойчиво требовало начать войну Японии против СССР.

На заседании Генерального штаба господин Осима выступил с достаточно короткой, но ёмкой и вразумительной, как он сам считал, речью перед высокопоставленными военными чинами:

– В это время года, имеется в виду осень и зима, военные действия против Советского Союза можно предпринять лишь в небольших масштабах. Вероятно, будет не слишком трудно занять северную – русскую – часть острова Сахалин. Ввиду того, что советские войска понесли большие потери в боях с немецкими войсками, их, вероятно, также можно оттеснить от границы. Однако нападение на Владивосток, а также любое продвижение в направлении озера Байкал в это время года невозможно, и придётся из-за сложившихся обстоятельств отложить это до весны.

На выступление посла немцы отреагировали полным молчанием, вероятно, позже дав волю возмущённым эмоциям в своих служебных кабинетных апартаментах...

Шестого сентября в Токио на совещании в присутствии императора была принята «Программа осуществления государственной политики империи». В документе было решено продолжить захваты колониальных владений западных дер-

жав на юге, не останавливаясь перед войной с США, Великобританией и Голландией, для чего к концу октября закончить все военные приготовления. Участники совещания высказали единодушное мнение о том, что для выступления против американцев и англичан лучший момент никогда не наступит. Учитывалась и разработанная в 1940 году премьер-министром Фумимаро Коноэ новая внешнеполитическая доктрина по созданию колоссальной империи протяжённостью от Забайкалья до Австралии.

2

Вернувшись из Москвы, майор госбезопасности Кондрачук, который раз прокручивал полученную в ходе оперативного совещания расширенную информацию. Нападение Германии на нашу страну побудило японское руководство усилить приготовления к войне против СССР. Стремясь замаскировать подготовку своих войск к нападению, японское правительство намеренно вводило советское посольство в заблуждение относительно их планов. 25 июня 1941 года посол СССР в Токио Константин Сметанин, встречавшийся накануне с Мацуока, записал в дневнике следующее: «Я спросил Мацуока о позиции Японии в плане начавшейся войны и будет ли Япония соблюдать нейтралитет в соответствии с заключённым пактом? Мацуока предпочёл уклониться от прямого ответа, заявив, что его позиция по данному вопросу

была изложена в своё время в заявлении по возвращении из Европы». Мацуока имел в виду заявление от 22 апреля 1941 года, где он заверил, что японское правительство будет верно соблюдать пакт о нейтралитете с нашей страной. Однако всё это было предназначено для заведомого обмана советского правительства. Немецкий посол в Токио в телеграмме Риббентропу от 3 июля 1941 года извещал, что Мацуока пояснил, что японское заявление было сделано русскому послу в такой форме с тем, чтобы обмануть русских или держать их в неведении, так как империя не закончила подготовку к войне. Мацуока отметил, что Сметанин не подозревает, что военные приготовления, согласно решению правительства от 2 июля 1941 года о подготовке к вторжению на территорию СССР, ведутся с всё возрастающей активностью.

Идеей на заключение с нашей страной пакта о нейтралитете японцы преследовали вероломную цель использовать его как ширму для маскировки и подготовки к нападению. Заключение указанного пакта о нейтралитете было успехом советской дипломатии и дальновидным шагом Советского правительства, так как он оказал сдерживающее влияние на японские правящие круги, которые вынуждены были считаться с общественным мнением своей страны и других государств. Известно, что японское руководство в дни наиболее интенсивной подготовки к военной агрессии в 1941 году обсуждало вопрос об отставке министра иностранных дел Мацуока для оправдания своих действий, в корне противо-

речащих пакту о нейтралитете. Об этом свидетельствует заявление, сделанное 1 июля японским послом в Риме, о том, что, по мнению его правительства, проведение в жизнь японских военных планов против СССР требует отставки господина Мацуока в связи с тем, что им недавно был подписан с Россией пакт о ненападении, и ему следует на некоторое время исчезнуть с политической арены.

После отставки Мацуока с поста руководителя МИД в июле 1941 года внешнеполитический курс Японии, предусматривавший решение «северной проблемы» вооружённой силой, не изменился. 20 июля новый министр иностранных дел Японии адмирал Тойода недвусмысленно заверил германского посла, что смена кабинета не повлияет на политику правительства.

Под прикрытием пакта о нейтралитете японцы вели подготовку к военному нападению на нашу страну, приняв особые меры сохранения секретности. Начальник штаба Квантунской армии в ходе совещания командиров соединений, состоявшегося 26 апреля 1941 года, подчеркнул, что усиление и расширение подготовки к войне с СССР следует проводить совершенно секретно. Требуется, с одной стороны, продолжать готовиться к войне, а с другой – поддерживать с нашей страной дружественные отношения.

До нападения фашистов на СССР подготовка японцев к вторжению на наш Дальний Восток велась в соответствии с планом, разработанным в 1940 году японским Генеральным

штабом армии. Этот план предусматривал нанесение основного удара по советскому Приморскому краю и его оккупацию. Квантунская армия увеличилась на 300 тысяч человек. Чтобы скрыть её резкое увеличение, японское командование не стало формировать новые соединения, а пошло по пути увеличения численности солдат в уже имевшихся соединениях и частях. Подразделения Квантунской армии на землях Маньчжурии были укомплектованы кадровыми усиленными пехотными дивизиями, которые до конца осени 1941 года довели до штатного 24–29-тысячного состава каждая. К 1942 году численность солдат довели до одного миллиона человек. Вдвое возросло количество танков в сравнении с 1937 годом, а боевых самолетов – втрое.

В конце второй недели июня японское правительство получило извещение из Германии от посла Осима о том, что война против Советского Союза будет начата «на следующей неделе». Следовательно, японское правительство заранее уже знало сроки германского нападения на СССР.

Осведомлённость правительства и командования Японии о предстоявшем германском нападении на СССР позволила японскому руководству заблаговременно обсудить важнейшие вопросы подготовки Японии к войне. Весной и летом 1941 года в обстановке повышенной секретности на территории Маньчжурии и Кореи спешно строились аэродромы, подъездные пути к границам, склады для боеприпасов и ГСМ, казармы для личного состава, осуществлялась мо-

дернизация артиллерийских систем и стрелкового оружия. Японская военная разведка активизировала деятельность в районах Сибири и нашего Дальнего Востока.

После 22 июня 1941 года японские военные приготовления приобрели ещё больший размах. К осени японские войска, дислоцирующиеся во Внутренней Монголии, Маньчжурии, острове Хоккайдо, Корее, Курильских островах и на Южном Сахалине, а также значительные силы флота были подготовлены для внезапного вторжения на территорию наших дальневосточных рубежей и Сибири и ожидали только сигнала. Но сигнала не последовало.

22 июня, когда в Японии получили известия о вторжении Германии в пределы СССР, армейские и флотские Генштабы на совместной конференции пришли к единому мнению относительно двух основных направлений предстоящей агрессии – «северного» и «южного». Это мнение военных кругов, созревшее задолго до начала войны, стало основой принятого 2 июля на имперской конференции принципиального решения о предстоящем вступлении Японии во Вторую мировую войну и подготовке военных действий против СССР («северное направление») и против США и Англии («южное направление»).

Начальник армейского Генштаба генерал Сугияма заявил, что для подготовки Квантунской армии к вторжению на советские территории потребуется 40–50 дней. 1 июля в Риме японский посол объявил, что Япония хочет активно высту-

пить против России, но нуждается ещё в нескольких неделях. 4 июля германский посол Отт доложил в Берлин: «Японская армия усердно готовится... к неожиданному, но не опрометчивому открытию военных действий против России, первая цель которых – захват областей на побережье. Но уже к августу 1941 года уверенность японского командования в быстрой победе Германии была поколеблена. Стойкое сопротивление советских войск срывало график наступления фашистского вермахта. В начале августа разведывательный отдел Генштаба армии доложил императорской ставке о срыве плана немецкого командования сокрушить Россию за 2–3 месяца. Японцы отмечали, что смоленская оборона задерживает немецкую армию более чем на месяц, война принимает затяжной характер. На основе этого вывода 9 августа японская ставка и правительство принимают предварительное решение о подготовке к нанесению первоочередного удара против США. Однако и в период, когда Япония вела усиленную подготовку к войне против США, работа над вторжением на нашу территорию не была прекращена. Японское командование с максимальным вниманием отслеживало ход войны на советско-германском фронте и состояние группировки наших войск на Дальнем Востоке и в Сибири, стараясь выбрать наиболее благоприятный для себя момент для нападения.

* * *

– Разрешите? – В кабинет вошёл помощник начальника управления Мальков.

– Да, – кивнул Кондратюк. – Что там?

– Телефонограмма из Москвы! – Сержант махнул красного цвета тоненькой папкой. – Только что от шифровальщиков.

– Давай.

Помощник пружинистым шагом подошёл и положил папку на зелёное сукно стола.

– Свободен.

– Есть! – Помощник крутнулся на каблуках и так же пружинисто покинул кабинет.

По привычке глянув на настенные часы, Исай Исаевич раскрыл папку, вынул листок с напечатанным на машинке текстом. Почему-то настенные часы всегда ассоциировались с Москвой, когда оттуда поступали какие-либо указания, предписания или приказы. Возможно, что такая привычка связана с телефонными разговорами с комиссаром, которые всегда проходили в одно и то же время. Вечером или поздним вечером, то есть ближе к ночи. По этому поводу Исай Исаевич задавался вопросом: в какое время комиссар госбезопасности, курирующий восточные регионы страны, звонит руководителям других управлений?

Потерев пальцами виски, он углубился в чтение полученного документа. Высшее руководство госбезопасности было уверено, что Япония не ограничится только подготовкой своих войск к войне против СССР. Генштаб японской армии ведёт активную разведывательно-диверсионную работу на территории Советского Союза в тесном контакте с гитлеровским абвером. Это свидетельствует о грубом нарушении Японией имеющегося пакта о нейтралитете. Едва Германия напала на СССР, Генштаб японской армии проявил инициативу в налаживании контактов с верховным командованием вермахта для координации антисоветской подрывной деятельности. В меморандуме верховного командования вооружёнными силами Германии сообщалось, что 4 июня 1941 года помощник японского военного атташе в Берлине полковник Ямамото сообщил начальнику второго отделения контрразведки вермахта полковнику фон Лагоузену, что Генеральный штаб Японии готов проводить антисоветскую подрывную деятельность на территории нашего Дальнего Востока, особенно со стороны Монголии и Маньчжоу-Го, и в первую очередь в зоне озера Байкал. Согласно договорённости между командованием армии Японии и вермахтом японский Генеральный штаб систематически представлял ценные разведывательные сведения о советской стороне. За прошедшие неполных восемь месяцев 1941 года через нашу границу было переправлено большое количество японских шпионов, диверсантов и контрреволюционной ли-

тературы. Только пограничными войсками было задержано при переходе границы около трёхсот японских шпионов. Японская разведка перебросила через границу Советского Союза две вооружённые банды для проведения диверсионно-террористической деятельности на нашем Дальнем Востоке. Японские войска продолжают нарушать советскую государственную границу подразделениями и в одиночку, обстреливать советскую территорию, пограничников и суда.

Прочитав текст, Исай Исаевич с минуту непрерывно смотрел на серый лист, затем вложил обратно в красные корочки.

Всё ли сделано им и товарищем Лихоносом в полной мере так, как было запланировано? Областное управление НКВД и военный отдел обкома ВКП(б) – главные организаторы и несущие ответственность за выполнение поставленной задачи. Подготовку территории области к подпольной и партизанской войне в случае временной оккупации.

Задача особой секретности. К её выполнению привлечён крайне узкий круг людей из числа военных, партийных и хозяйственных работников. На первичном закрытом совещании, которое состоялось в обкоме ВКП(б), было предложено провести авиационные облёты с целью выявления мест для оборудования секретных закладок оружия, боеприпасов и продовольствия. Второй путь – это выбор места с использованием карты местности. Третий – привлечение к этому делу опытных местных промысловиков-охотников. Остаётся и другая категория, хорошо знающая местность, имевшая

опыт ещё с Гражданской войны. Это красные партизаны. Но их осталось ничтожно мало. Кто умер от болезней и ран, кто репрессирован и приговорён к вышке, кто сидит в ГУЛАГе.

– Может быть, стоит привлечь к этому кого-то из сидельцев? – Такое было высказано предложение.

– Так просто взять и вырвать осуждённого из мест заключения? Как вы это себе представляете? – был ответ на поступившее предложение. – И какова будет реакция общественности.

– В каком смысле?

– В прямом. У каждого осуждённого помимо родственников имеются близкие, друзья-товарищи, наконец, просто соседи, просто знакомые.

– И что?

– Как что? Вы действительно не понимаете?

– Что понимать-то?

– Каким общественным резонансом обернётся? Получается, что человек сидел просто так, ни за что, если его раз – и вернули из лагеря домой. За здорово живёшь, получается.

– Этак мы ни до чего не договоримся, – подвёл черту Кондратюк. – Какие есть ещё варианты? Понятно, что ни с помощью авиации, ни с помощью обычной карты нам эти вопросы не решить. Нужен конкретный человек.

– Следопыт, товарищ майор?

– Именно. Старый и опытный охотник.

– Надо думать.

– Надо. Только время не ждёт. Перечень вооружения и продовольствия уже подготовлен в необходимом объёме. Кто за это ответственный? Ещё раз прошу пройтись по таблице наличия. Речь идёт только о перечне наименований. Количество указано в закрытом списке. Понятно?

– Так точно! Итак, пулемёты Дегтярёва, винтовки Мосина, револьверы системы „наган“, пистолеты системы „Токарев-Тульский“, гранаты осколочные, патроны для всех вышеперечисленных видов вооружения, ножи финские, фляжки, котелки, крупяной концентрат, консервы тушёнка и рыбные, сгущённое молоко, сахар рафинированный, соль, галеты.

– Хорошо, – прервал доклад Исай Исаевич. – По продовольствию как бы всё ясно. Непонятно, что со взрывчаткой? С минами? Бикфордов шнур где? Те же спички? А лампы и керосин? Илья Николаевич, вы слышите?

– Ну, как же как же? Разумеется, всё есть. Это проходит по отдельному, то есть особому, списку для обеспечения разведывательно-диверсионной работы. Сейчас-сейчас. – Лихонос торопливо листал что-то в своей папке, наконец вытянул, зажав толстыми пальцами, нужную бумажку, протянул через стол Кондратюку. – Там же и радиостанции.

– Это другое дело, – задумчиво произнёс Исай Исаевич, взглядываясь в переданный ему особый список. – Радиостанции. И в телефонном, и в телеграфном режиме. Очень даже хорошо.

– Даже отлично, – подчеркнул Лихонос, вытирая лоб клетчатым носовым платком. В кабинете душно. Ему как человеку полному было тяжело. – Радиостанции последней, так сказать, модификации. Облегчённый вариант. Не знаю, есть ли такие уже на фронте или ещё нет?

– Вижу. Да-да, – отозвался Кондратюк. – Вот читаю их техническую характеристику. Да-да. Принято. Продолжаем дальше, товарищи. Обращаю ваше внимание, что при выборе мест закладки необходимо учитывать несколько факторов. Не пересечение с охотничьими угодьями, хотя в условиях военного времени охота запрещена и ружья у населения изъяты. Отдалённость от населённых пунктов, но одновременно и доступность.

– Товарищ старший майор, что понимается под доступностью?

– Недоступность для врага и доступность, скажем так, подпольщикам. Быстро добраться, взять необходимое, совершить акт возмездия и скрыться в тайге.

– Иначе говоря, ведение партизанской войны?

– Наверное, так понятнее будет, – согласился Исай Исаевич. – Тем более что одними диверсионными группами, то есть теми же подпольщиками, будет не обойтись. Планируется формирование партизанских отрядов на постоянной основе, оборудование тайжных лагерей, с привязкой к которым и должны быть заложены схроны.

– Товарищ майор госбезопасности, разрешите спро-

силь? – обратился один из присутствующих.

– Спрашивайте.

– Когда всё-таки можно ожидать развития той ситуации, которую мы сейчас обсуждаем?

– Витиеватый, однако, вопрос, – усмехнулся Исая Исаевич. – Проще говоря, когда наши территории могут оказаться под оккупацией?

– Ну, примерно так.

Все молча с напряжением смотрели на главного чекиста области.

– Вопрос, конечно, непростой, – произнёс Кондратюк, внимательно вглядываясь в тревожные лица собравшихся людей разных рангов и должностей, но объединённых сейчас одной задачей, одной целью, едиными мыслями и единым желанием. – И ответить на него непросто. Никто не знает, как могут развиваться события. Японское руководство будет выжидать, исходить из той ситуации, которая у нас складывается на фронте с фашистами. Наша главная задача – выполнение постановления Государственного Комитета Обороны.

В кабинете зависла долгая тяжёлая пауза.

– Ну, так что по охотнику? – нахмурился Кондратюк.

– Есть одна кандидатура, – ответил неожиданно и как-то настороженно Лихонос.

– Что, Илья Николаевич? – удивился Кондратюк.

– Прорабатывали мы этот момент, так сказать. На всякий

пожарный.

– Этот всякий пожарный и есть самый главный момент, – укоризненно, но с облегчением заметил Кондратюк. – Кто такой?

– Матвей Глушак.

– А я с ним знаком, – шепнул, наклонившись к уху Исаия Исаевича, его помощник.

– Да? – Кондратюк удивлённо посмотрел на младшего лейтенанта.

Тот утвердительно кивнул в ответ...

* * *

Самое обидное было то, что начатую когда-то работу в этом направлении три года назад резко свернули. И вот, петух клюнул, всё пришлось начинать сначала...

Подготовка к партизанской войне в Советском Союзе велась с конца 1920-х годов – и по линии НКВД, и по линии военной разведки. С середины 1930-х изменилась военная доктрина. Возникла новая концепция, которая теперь стала выражаться лозунгом: „Мы будем бить врага на его территории!“ Всё – схроны, базы, конспиративные сети – всё это было ликвидировано. Из библиотек воинских частей изъята литература по партизанско-диверсионной тематике. Там всюду фигурировали фамилии Берзина, Якира и других „разоблачённых врагов народа“, которые занимались „подготовкой

банд и закладкой для них оружия“.

Весной 1940 года в Москве проходило совещание Главного Военного совета, посвящённое анализу Финской кампании. На совещании присутствовал Сталин. Полковник Хаджи-Умар Мамсуров, начальник диверсионного отдела разведуправления, то есть военной разведки, в своём выступлении поднял вопрос о создании специальных частей в военных округах.

„Эти части, – сказал Мамсуров, – я должен прямо назвать, что это диверсионно-партизанские отряды, поскольку они, финны, этим путём действовали. Опыт у нас в этом направлении есть“. Но Сталин думал о другом. В своём выступлении в последний день совещания, 17 апреля, он, подводя итоги, сказал примечательную вещь, указывая на главный, по его мнению, недостаток финской армии: „Она создана и воспитана не для наступления, а для обороны, причём обороны не активной, а пассивной... Я не могу назвать такую армию современной. На что она способна и чему завидовали отдельные товарищи? На небольшие выступления, на окружение с заходом в тыл, на завалы... Все эти завалы можно свести к фокусам. Фокус – хорошее дело – хитрость, смекалка и прочее. Но на фокусе прожить невозможно. Раз обманул – зашёл в тыл, второй раз обманул, а в третий раз уже не обманешь. Не может армия отыграться на одних фокусах, она должна быть армией настоящей. Если она этого не имеет, она неполноценна...“

Сталина, конечно, занимали вопросы создания современной армии, „серьёзной артиллерии“, „хорошей авиации“.

Через семь дней после начала войны в Директиве от 29 июня 1941 года был, в частности, пункт, вскоре прозвучавший в радиовыступлении Сталина 3 июля: „В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия“.

По сути, это было началом исправления ошибки, допущенной в 1930-х, когда все приготовления к партизанской войне были свёрнуты. Следующая директива, от 18 июля, конкретизировала: „Партизанские отряды и подпольные группы должны быть обеспечены оружием, боеприпасами, деньгами и ценностями, для чего заблаговременно должны быть в надёжных местах зарыты и запрятаны необходимые запасы“.

3

Матвей Прокопъич Глушак выглядел крепким человеком. Приземистая и мощная в кости фигура. Не старила его и се-

дина. Голубые глаза на широком русском лице, ямки в уголках рта и на крепком широком подбородке придавали его лицу выражение прямоты и добродушия.

Под стать хозяину и верный пёс Полкан. Рослый, с широкой грудью и с мускулистым лёгким телом, он казался неутомимым. Клинообразная голова с выпуклым лбом, стоячие уши и умные миндалевидные глаза придавали ему горделивое выражение.

Нынешнее сухое лето имело для деревни и свои плюсы. Благодатная пора позволила людям впрок заготовить сена. Тучные крутобокие зароды душистого разнотравья густо облепили сенокосную падь. И ниже, по долине, и выше, на буграх, высились стога сена, словно исполинские богатырские макушки. Обычно сенокосная пора начиналась с середины июля. Нынче приступили даже раньше. До середины лета дождей почти не выпадало. Нахмурится небо, наплывут тучки, покрапает – и опять светит солнце. Но влаги хватило, чтобы травостой налился к сроку. Справиться с сенокосом Матвею Прокопъичу помогла племянница Валентина. Своих детей у Глушака не было. Жены тоже. Померла ещё в двадцать девятом от малярии. Он не любил вспоминать горькую годину. Чёрной меткой она разделила его жизнь „до“ и „после“. Вдовье бабёнки в селе не прочь бы сойтись с ним, да он после смерти жены как-то сторонился чужих женщин. А мужик был справный, хозяйственный. Бригадирил в колхозе. План посевных и уборочных работ его бригада выполняла на

сто и более процентов. Председатель не отпускал Глушака в только что открывшийся в области зверопромхоз, который в северо-восточных районах был представлен заготконторами. Председателю позвонили из райисполкома. Объяснили, что промысловая работа – сезонная, с поздней осени до конца зимы, а в остальное время можно по-прежнему трудиться в колхозе. Председатель сдался. Отпустил.

...Существует две категории охотников. Охотники-любители и охотники-промысловики. Промысловики занимаются охотой с целью добычи дичи или зверя по договору, согласно которому добытую пушнину и часть мяса сдают в заготовительную организацию. Охотничий промысел тяжёлый, сопряжён с большими усилиями. Чтобы им заниматься, надо жить в отрыве от цивилизованного населённого пункта, на своём становье.

Охотничий сезон длится долго, пока промысловик не выполнит обязательства по договору. Он имеет постоянный стан на месте охоты и живёт в собственном зимовье.

...С середины весны река, вспученная на середине бугром, стремительно уносила вниз серо-жёлтую воду. По течению плыли посеревшие льдины и чёрные коряжистые пни.

Летом поляна сплошь покрывалась цветами – огненными жарками, а по кромке – оранжевые саранки и густые малиновые марьины коренья. Летом на смену им приходили синие незабудки и голубые колокольчики. Под склоном протекала речка. Вода в ней светлая, лучезарная. Облизывая пес-

чаные берега и протекая по каменистым перекатам, вода певуче струилась и журчала. А с закатом солнца таяли розовые барашки облаков, и прозрачное небо становилось нежно-сиреневым. Над тихим речным плёсом поднималась шапка тумана. От реки, вниз по долине, тянулись зыбкие белые космы. С каждой минутой они увеличивались, закрывая сопки. Вскоре вся долина затягивалась белой пеленой тумана. В призрачной дали терялась полоска угасающей зари. Вечерние сумерки сгущались.

Когда наступала осень, листва на деревьях покрывалась серебристо-золотистым цветом и, падая на землю, пахла терпкой прелью. Таёжные просторы занимают в Сибири огромные пространства. Затерянный лесной мир, где никогда не бывает человек, таит на громадных площадях в себе нечто загадочное, таинственное, непознанное и опасное. Удивительное царство хвойных деревьев. Неприветливое и достаточно мрачное впечатление производит этот сумрачный лес. Кругом поваленные стволы огромных, вывернутых бурями корней, ямы под которыми залиты грунтовыми водами, рваными клочьями развеивается на ветру лишайник-бородач, на земле мягкая и влажная хвойная подушка, густо поросшая мхом. Здесь много брусники и черники, болотного багульника, грибов. Сумрачность, полумрак. Рододендрон, пахучий кустарник с яркими розовыми цветами, который в народе называют багульником.

...В начале зимы над поляной, зимовьём и руслом замерз-

шей реки начинал сыпать густой снег. Сначала будто нехотя, а потом обрушивался лавиной, закрывая всё вокруг белым покрывалом. К январю таёжную избушку заносило глубокими снегами, наметая ветром сугробы. Увидеть её можно было, когда из трубы, словно воткнутой с скат крыши, струился синеватый дымок. В середине первого месяца наступившего года тайга уже погружалась в морозную стужу. Трещали сучья на деревьях. На реке щёлкал, раскалываясь трещинами, лёд.

В такую пору Матвей Прокопич наслаждался кружкой горячего брусничного настоя. Гудели привычно ноги после дневного обхода охотничьих троп. Завывал за стенами зимовья ветер. В печке из дикого камня, густо обмазанной глиной, жарко пылают лиственничные дрова.

В зимовейке два окошка. Одно впереди, другое по правой стороне. У левой и правой стен – полати. Потолок и пол из отёсанных, плотно сколоченных брёвен, сохранявших тепло в холодную погоду. Между полатами, под окошком, стоял столик с лавкой. Словом, добротное таёжное, с любовью сделанное вдали от большаков жилище.

– Что, Матвей Прокопич, исправно сена заготовил? – спросил Ермолай, поправляя на плечах ещё не просохший дождевик. Его все на деревне, от малышни до стариков, звали Ермохой.

– На скотину хватит.

– Мы с Матрёной тоже вроде запаслись. Несколько стогов

успели сметать, покуда удалось выкроить время.

– Сводки слушаешь, Матвей Прокопъич? Я каждый день к сельсовету специально шлёпаю. Постоять у столба. Послушать, чего Левитан говорит. Каждый день идут ожесточённые бои. Наши отступают. Я так кумекаю. Это ожесточённые, покуда наши основные силы не подошли, это, скорее всего, наш такой план, такая стратегия. Заманить германцев поглубже и вдарить со всех концов! Они, сволочи такие, надеялись на неожиданность, но и мы ведь не лыком шиты. Русский мужик долго заправляет, но быстро едет! Сейчас соберём силы со всех концов страны и точно врежем так, что ошмётки от германцев полетят. Били их – не добили в Первую мировую. Сейчас точно добьём. – Ермоха замолчал, яростно зачесал пятернёй седую плешь на голове. – Как думаешь, Матвей Прокопъич, к концу года управимся?

– Что? С чем? – не поняв, спросил Матвей.

– Я говорю, к концу года с германцем-нападанцем-засранцем управимся?

Соседу, видно, очень хотелось, чтобы Матвей Прокопъич что-то сказал утвердительно, согласно кивнул или как-то отреагировал в этом роде, но тот молчал. Молчал, будто не слышал вопроса соседа. Ермоха тоже замолчал, перестав тараторить. Также задумался о чём-то. Опустил голову, разглядывая под ногами землю. Встрепенувшись, поднял лицо, глядя на тоже задумавшегося Глушака.

С неба стал накрапывать дождик. Сопки за селом заво-

локло туманной проседью. Погода опять портилась.

– Слышь, Прокопъич? Может, того? – щёлкнул себе двумя пальцами по кадыку. – Самогонки? По чарке?

– Нет. Спасибо, – отказался Матвей. – Ужинать пойду. Валуха ждёт.

– Перед ужином-то маленько!

– Нет-нет! – решительно отказался от выпивки Матвей.

Ермоха опять почесал плешь, приговаривая сам себе: – Ладно, я тоже пойду. Может, Матрёна сподобится налить? С соседом без проблем бы налила, а теперь голову ломай, с какого бока к ней подкатить...

Прежде чем войти в сени, Матвей оглянулся с крыльца на удалявшегося от калитки, обходя лужи, соседа. Тот жил за несколько изб. Походка у Ермохи какая-то смешная, подпрыгивающая, будто не по земле, а по кочкам ступал. И руками размахивал, будто о чём-то рассуждая вслух сам с собой. А может, так оно и есть, потому что именно в этот момент, когда Матвей смотрел на его удаляющуюся за оградой спину, тот продолжал рассуждать, прикидывая, как у Матрёны к ужину самогоночки выцыганить. Для поднятия, так сказать, боевого духа. Ермоха всякий раз так и поступал. Раньше при возникновении острого желания выпить он признавался жене, дескать, „с устатку“. А после 22 июня тему сменил, мол, „для поднятия боевого духа“. Если Матрёна была сама не в духе, то сразу давала мужу отворот-поворот, мол, какой тебе „боевой дух, окаянный“? А если в хорошем расположении,

то соглашалась, но при условии, что нальёт сама и только один раз...

– Садись, дядя Матвей, картошка стынет, – пригласила племянница к столу.

– Накладывай, сейчас только руки ополосну, – Матвей шагнул к рукомойнику, отдернув в углу занавеску.

– О чём с Ермохой-то калякали? – спросила Валентина, разрезая повдоль свежие огурцы и натирая их солью.

– Политинформацию мне читал, – вытирая руки насухо полотенцем, отозвался Матвей.

– Как всегда?

– Как всегда.

– Во время сенокоса его не было. Соскучился по радио. К каждому выпуску последних новостей ходит. А новости-то всё одни, – вздохнула Валентина, перебрасывая тугую рыжую косу с груди на спину.

– И не говори, – пододвигая табуретку к столу, согласился дядя. – Ермоха тоже спрашивает, когда изменится обстановка? Кто его знает, когда изменится? Только всё началось...

Валентина разложила ложки, пододвинула тарелку с крупнонарезанными ломтями ржаного хлеба. Заглянула в берестяную солонку. Посуда из бересты – величайшее изобретение русского человека.

– Груздочков бы, – раздавливая картофелину ложкой, заметила девушка. – Пойдут или нет нынче? Сейчас бы им самое время.

– Погода испортилась. Половину лета сушь простояла, теперь поливает каждый день, – отозвался дядя, глянув в окно. – К вечеру, глядишь, опять натянет. Тучи ползут с востока. Ладно хоть, с сенокосом управились. А грузди пойдут, куда они денутся? Как распогодится, так надо будет сходить за увал, глянуть. Маслят нынче сколько было, сама знаешь. И грузди будут. Подсохнет в лесу, посмотрим. В сентябре эти дожди и вовсе ни к чему. До середины октября, до Покрова, надо охотничью разведку произвести, запастись продуктами, подготовиться к промысловому сезону.

После Покрова Пресвятой Богородицы промысловики уходили в тайгу. На промысле вставали в пять-шесть утра. Готовили себе кашу, собакам заваривали муку. Утром собак кормили лишь в сильные морозы, иначе собака, не кормленная, ложилась на снег и не шла за зверем. На день охотник брал с собой „подорожник“ – кусок хлеба с маслом или салом и литровый медный котелок. К зимовью возвращались в шестом часу вечера. На улице перед зимовьём на таганке сразу же варили чай и еду собакам. Сами же начинали обдирать добытую белку. Позже готовили себе ужин и кормили собак. Собакам отдавали беличьи ободранные тушки. Ужинали плотно. Ужин состоял из солёной рыбы, мясной похлёбки с крупой или „сухарницы“ – обваренных крутым кипятком сухарей с добавлением масла. Заваривая чай, добавляли берёзовую чагу и смородиновый лист. Если днём охотник продрог или промочился в холодной воде, то вече-

ром перед едой выпивал деревянную ложку водки, спирта или самогона с целью профилактики простуды.

Продолжительность промыслового сезона во многом зависела от капризов погоды. Если выпадал глубокий снег и ударяли морозы, то заканчивался в середине ноября. При благоприятной погоде промысел продолжался до первых чисел декабря. В „урожайный“ год охотник добывал от 150 до 300 штук белок, в плохие годы 50—100 штук. Кроме того, удавалось добыть 2–3 соболей, 5–6 лис, одного сохатого или несколько коз кабарожек. К середине декабря заканчивалось белковье. Второй большой период охоты захватывал конец зимы и первую половину весны. Короче говоря, по снежному насту отправлялись промысловики промыслять крупного зверя – сохатых, то есть лосей, изюбрей, то есть благородных оленей. В горно-таёжной зоне вели промысел кабарги, от которой наряду с мясом и шкурой получали ценную мускусную струю...

Матвея Прокопьяча одолевали мысли о предстоящем охотничьем сезоне. Огорчало лишь, что у всех изымут ружья. Капканы и плашки, петли и кулёмки можно использовать, но огнестрелы – будь добр – сдай в отделение милиции. И ничего не поделаешь – военное время.

– Несладко теперь будет селянам, – заметил Матвей Прокопьяч. – Колхоз никто не отменял. Вся тяжесть легла на стариков да молодёжь. Втянулась помаленьку-то в работу?

– А куда денешься? – вздохнула Валентина. – Животинка

есть-пить просит. Как же без ухода?

– Хорошо, что смогли убрать урожай. Видишь, как немец-то подгадал, ударил под самый дых в самую страду. До июля ещё как бы ничего было, но после...

– Ребят молодых почти всех мобилизовали, а в райцентре, говорят, один выпускной класс целиком добровольцами ушли. У бабки Мироники племянник теперь воюет.

– Многие парни и пожениться-то не успели. Не знаю, к лучшему это или нет, – размышлял Матвей Прокопъич.

– К худшему, так считаю.

– Это почему?

– Осталась бы дома та, кто ждать будет.

– Ох, не знаю, не знаю, девка. А если рассудить, то для женитьбы и возраст нужен, и любовь. Вот ты сказала о выпускниках из райцентра, у них как раз возраст и не успел подоспеть. Так же, а?

– Наверное, так, – согласилась Валентина.

– Оно же, если и по части этой самой любви такая же картина.

– Ну, ты скажешь, дядя Матвей!

– Что? Что не так? Не согласна? В школе уже и чувства есть?

– И да и нет.

– Как это?

– Кто-то кому-то нравится, а кто-то нет.

– Валюха, дело прошлое, а тебе никто, что ли, не нравил-

ся?

– Отчего же? Нравился.

– А ты ему?

– Не знаю, – выдохнула Валентина и вспыхнула румянцем.

– Чего так?

– Почём я знаю, дядя Матвей?

– Ну, какие-то знаки внимания же оказывал?

– За косичку дёргал.

– Видишь? Значит, оказывал?

– Это было давно, в школе. В средних классах...

– Чувства, Валюха, иногда не имеют срока давности...

– И что с того?

– Ладно, с другого конца зайдём. Он хоть догадывался, что тебе нравится?

– Почём я знаю? Думала, вот школу окончим.

– Окончили – и теперь?

– Теперь война, – с потаённой грустью ответила Валентина.

– И где он? Неведомо?

– Неведомо. После школы уехал в техникум учиться.

– Далеко?

– В областной центр.

– Сейчас, значит, учится?

– Нет, не учится. Ушёл на фронт. Ещё в июле, как и остальные.

– Откуда знаешь?

– Знаю. На сенокосе одна из знакомых девчонок из райцентра встретила. Она говорила, что из того техникума почти все ребята ушли... У неё там знакомый учился. Одноклассник...

– Понятно, – вздохнув, отозвался Матвей Прокопьевич. – Война всех подгрела. И школьников, и студентов, и отцов их...

– Дядя Матвей, а долго она будет идти?

– Трудно сказать. Надо привыкать к тому, чтобы ждать...

– Ой, как это?

– В жизни случается много неприятного.

– Как это? – Племянница отложила ложку, с интересом глядя на дядю.

– Ждать – неприятная вещь для человека. Не зря говорят, что хуже всего ждать или догонять. А по мне так хуже всего – это ждать. Но привыкать надо. Особенно сейчас. Ожидание поможет людям пережить это страшное время.

– Ой, как можно привыкнуть к этому ожиданию? – вздохнула племянница, ковыряя картофелину.

– И поменьше ойкать, – улыбнулся дядя. – Поменьше хмуриться, чтобы раньше времени морщин не заработать на лице.

– Больше не буду, больше не буду, – успокоила Валентина. – Сейчас чай налью.

На улице за калиткой фыркнули тормоза. Залаял Полкан.

– Машина, что ли? – удивился Матвей Прокопьевич. –

Глянь-ка.

Валентина оставила стаканы, шмыгнула к окну, прильнув почти щекой к холодному от сырой непогоды стеклу.

– Кажись, машина к нам подъехала. Кто бы это?

– Пойду глянуть. Откуда машина?

Вышел из сеней на крыльцо. Дождик перемежился. Капало с крыши. Полкан, присев на задние лапы, яростно лаял на калитку. За ней видны две военные фуражки.

– Полкан! Полкан! – позвал собаку Матвей Прокопьевич, спускаясь с крыльца. – Уймись! На место! На место!

– Хозяин?! – окликнул мужской голос из-за калитки.

– Иду-иду.

Глушак откинул внутреннюю щеколду, впуская во двор двоих военных. У одного, молодого на вид служивого, в петлицах два эмалевых кубаря. Тёмно-зелёная гимнастёрка, синие галифе. Хромовые сапоги. На рукавах нашивки. Лицо его показалось знакомым.

– Здравствуйте! Сержант госбезопасности Мальков, – представился молодой. – Матвей Глушак?

– Здравствуйте! Так и есть, – ответил растерянно хозяин двора, опешив от столь неожиданных визитёров.

– Да вы не пугайтесь, Матвей Прокопьевич, мы по делу, – успокоил молодой чекист. – Желательно для разговора пройти в дом, – кивнул он в сторону крыльца.

– Проходите. – Хозяин уступил дорогу.

– Нет-нет, после вас, – предложил сержант. – Ожидай, Ва-

силич, у машины, – распорядился сопровождавшему его военному с погонами рядового на форменной гимнастёрке. По возрасту тот уже в годах.

Открыв дверь, Мальков пригнулся, уверенно переступая через высокий порог.

„Сразу видно, что этот военный из местных“, – подумала Валентина.

Вспомнился приезд прошлой весной в село землемера из города.

„Того и гляди, что или лоб расшибёшь, или ногой запнёшься“, – чертыхался тогда в сенях человек роста выше среднего, открывая дверь в жилище.

После оказалось, что землемер родом с одной из западных областей. В Сибирь попал после окончания землеустроительного техникума. Глушаку пришлось объяснять человеку, что низкие двери и высокие пороги нужны были для того, чтобы сохранить тепло. Ведь тёплый воздух поднимается вверх, а, чтобы он не покинул дом, двери делали низкими. А вот холодный воздух стелется по низу. Чтобы он не попадал в избу с улицы, пороги делали высокими.

Таковы особенности сибирских деревянных жилых построек. Ещё наличие ставен в сибирских деревнях было обязательным. Ставни защищали как от холода, так и от лихого человека. Насчёт последнего землемер поделился своими познаниями в области того, что Сибирь всегда считалась каторжным краем, куда ссылали преступников уголовных и

политических со всех уголков центральной России до революции...

Валентина замерла у печки, держа в руках посудное полотенце. На столе оставался нетронутый чай в гранёных стаканах.

Дядя поспешил её успокоить: – Валюха, это по делу.

– Здравствуйте! – вежливо поздоровался с ней Мальков.

– Здравсти, – ответила та, продолжая комкать в руках полотенце

– Со стола убери, – сказал ей дядя.

– А?

– Со стола, говорю, убери.

– Ага, сейчас. – Она быстренько стала прибираться на кухонном столе, звякнув, вылила чай в миску, составила одну в одну пустые тарелки, сложив ложки. Начала протирать с клеёнку маленькой тряпицей.

– Может, пока присядем? – предложил Матвей Прокопич, показав на широкую лавку вдоль стены у окна.

– Да, собственно, разговор у нас к вам короткий, можно сказать, предварительный. Девушке желательно выйти на время.

– Валюха, поговорить нам надо.

Племянница повесила тряпочку на краешек у печки и вышла в сени.

– Матвей Прокопьевич, мы вынуждены вас пригласить к себе на собеседование по ряду вопросов, в которых вы раз-

бираетесь. Речь идёт о вашем охотничьем опыте. Вы хорошо знаете тайгу в пределах местных населённых пунктов и можете дать ряд советов. Это всё, о чём я уполномочен вам сообщить. Более подробно вам объяснят чуть позже. В течение двух-трёх дней, а точнее, послезавтра, вам необходимо приехать в город и вот по этому адресу прибыть ровно к половине второго дня. – Мальков протянул сложенный вдвое маленький клочок бумажки. Племяннице скажете, что в скором времени организуется артель областного военно-охотничьего общества для заготовки мяса областному госпиталю для раненых. Вы ведь и так в промысловой бригаде?

– Да.

– Отлично. Продолжите свою работу. В общем, договорились?

– Договорились.

– Только, – Мальков поднял указательный палец, – прибыть по указанном адресу нужно обязательно. Я вас встречу. Ну всё. – Чекист протянул руку и пожал тяжёлую и твёрдую ладонь хозяина. – Проводите меня, а то собака там.

– Да! Конечно!

4

Надо бы крепко наругать сержанта Малькова за такую оплошность – поехать в деревню посреди бела дня на чёрном „воронке“.

– И какая легенда? – строго спросил Исай Исаевич.

– Организация промысловой артели для заготовки мяса для областного госпиталя.

– Но мне же сказали, что этот старик, как его?

– Матвей Прокопьевич Глушак.

– Что этот Глушак числится в промысловой бригаде по линии заготконторы.

– Так оно и есть, товарищ майор.

– И в чём разница теперь?

– Теперь его бригада будет добывать дикое мясо конкретно для госпиталя. В условиях военного времени вся прочая охота в тайге запрещена. Все оружейные стволы население сдаёт на хранение в милицию.

Всё понятно, но надо было как-то другим образом известить этого Глушака. Деревня есть деревня. Там столько ушей, столько глаз! Видели машину.

– Да, никто и не куркнет, товарищ майор!

– Спасибо, товарищ сержант! Успокоил! И когда он прибудет?

– Завтра. К назначенному времени.

– По адресу явки? Надеюсь, ума хватило не в само здание Управления пригласить?

– Так точно.

– А с кем он живёт? Семья есть?

– Одинок. Временно проживает у него племянница.

– Ещё родственники?

- Таковых на территории области не имеется.
- Хорошо. Пока свободен.

* * *

В 1941 году японцы планировали дойти до Омска и разделить СССР на японскую и германскую половинки. То есть там планировалась встреча с германскими войсками и разделение Советского Союза по меридиану Омска на германскую и японскую зоны оккупации. Япония готовила военно-экономический плацдарм для отторжения советского Дальнего Востока и Восточной Сибири. Была определена дата нападения Японии – 29 августа 1941 года.

Погодные условия не позволяли Японии вступить в войну после 29 августа. 29 августа – это был крайний срок. Потом распутица. При отсутствии хороших дорог в восточной части Советского Союза.

В августе 1941 года в прифронтовых областях при управлениях НКВД были созданы 4-е отделы. Их сотрудники приступили к формированию диверсионно-разведывательных групп для заброски в тыл предполагаемого противника и организации в условиях строжайшей секретности партизанских отрядов, оборудование тайников с оружием, медикаментами, радиостанциями, запасами продовольствия.

Партизанское движение всегда рассматривалось в СССР в качестве помощника Красной армии.

Склады для партизан. Это зарытые в землю тысячи единиц стрелкового вооружения, тонны боеприпасов, продовольствия и медикаментов.

Исай Исаевич досконально изучал полученные из Москвы инструкции по организации схронов. Чекистам в восточных регионах была поставлена первейшая задача именно в плане подготовки тайников на случай японской оккупации.

– Закапывание – трудоёмкий процесс, хотя это и наиболее распространённый способ, – подчёркивал Кондратюк на инструктаже ответственных за работу групп. В их составе чекисты, проверенные кадры из числа партийных и хозяйственных работников, активистов производства. – Для успеха операции жизненно важны факторы безопасности – маскировка при закладке тайника, аккуратность во время закладки и извлечения. Следует учитывать местный животный мир и защиту от него. В устройстве схрона задействовать как можно меньше людей. Скрытность и маскировка. Наиболее распространённый способ – закапывание...

Для хранения требуется герметичная ёмкость с защитой от влаги. Извлечение так же занимает время. Не всегда легко определить место тайника. Особенно, если его извлечением занимаются не те люди, которые его закладывали.

Важно, чтобы оружие не заржавело и место его хранения не было известно врагу. Все металлические части смазываются маслом. Каждая единица оружия заворачивается в промасленную тряпку, затем несколько стволов завёртыва-

ют в большую матерчатую упаковку, обвязывают верёвкой и укладывают в деревянный ящик.

Место для закапывания должно быть сухое. Боеприпасы хранятся – по их видам – отдельно друг от друга. Осветительные и сигнальные ракеты завертывают в газеты и укладывают в деревянный ящик, пересыпанные сухими опилками. Их надо менять каждый месяц, так как эти боеприпасы очень чувствительны к влаге.

Если в бочки закладываются продовольствие и медикаменты, то их помещают на глубину больше метра, чтобы не обнаружить миноискателем или чтобы не раскопал зверь.

Нельзя допускать контакта масла с патронами. Если они долго лежат в масляной среде, то масло, имеющее очень высокую степень проникновения, попадает в гильзы и на порох, делая его непригодным.

В схроне должно быть немного горючего, нож, ложки, миски, кружки, топор, пила, молоток, верёвка и гвозди. Его не должно заливать водой.

Необходимы как минимум два подхода, то есть две дороги к месту тайника. Эти пути должны быть скрыты от посторонних глаз для безопасного подхода и ухода. Сможет ли человек, который никогда не был на этом месте, добраться до него легко и безопасно?

Снег и промерзание грунта зимой создадут дополнительные трудности. Следы людей и место раскопок на снегу при закладке и извлечении тайника будет невозможно замаски-

ровать полностью. Поэтому при планировании устройства тайника следует учитывать фактор времени года.

При планировании нужна крупномасштабная карта. Но где её взять в 1941 году?

– Путь до схронов должен быть впечатан в головы знающих людей, – продолжал Исай Исаевич. – Один из основных моментов – это ориентиры. Требования к главному ориентиру. Он должен легко идентифицироваться именно как единственный главный ориентир. Должен быть фиксированным на местности до конца времени использования тайника. Для конкретных ориентиров привязки тайника подходят такие объекты, как небольшие, редко посещаемые мосты и дамбы, дорожные знаки и километровые столбы, водопропускные трубы под дорогами в малопосещаемых местах, запоминающиеся могилы на отдалённых кладбищах, характерные скалы и отдельные деревья.

– Товарищ майор, но эти объекты так или иначе связаны с населёнными пунктами.

– Да, это классические варианты, – согласился Исай Исаевич. – Мы же ограничены таёжной местностью. Тем не менее привязка тайника к ориентирам должна быть безукоризненно чёткой и понятной. Причём чтобы её можно было легко описать словесно. Место устройства его должно быть в равной степени доступно как закладчику, так и тому, кто будет тайник извлекать. Более подробно вы сможете ознакомиться в инструкциях.

Исай Исаевич завершил встречу с активом и поспешил вместе с помощником Мальковым на одну из конспиративных квартир, куда должен был прийти, приехав в город, Матвей Глушак.

– Место на возвышенности предпочтительнее, чем место в низине. Влажность – самая большая природная опасность для схрона. Если вблизи водоёма, то надо убедиться, что в период весеннего таяния снега оно не будет подтоплено или размыто.

– Лиственные деревья имеют развитую корневую систему, которая осложнит выкапывание земли. На склонах сопок – камень, скала, – пояснил, вступая в обсуждение, Матвей. – Идеальный грунт песок или супесь.

– Что? – переспросил Исай Исаевич.

– Супесь – это смесь глины и песка с преобладанием песка. Глину вообще надо избегать, глинистая почва в жаркое время года на открытых местах твердеет, и её тяжело копать. Да, вот ещё что. Место надо выбирать подальше от звериной тропы.

– Лучшим временем для этого мероприятия является поздняя осень. Потому что в это время появление людей, например грибников, в лесу исключено, а выпавший скорый снег укроет землю. Теперь, товарищ Глушак, самое главное. Выбор места. Крупномасштабных карт у нас нет. Имеется только такая. – Кондратюк расстелил карту одного из районов области.

– Обойдёмся и без них, – заверил Матвей. – А эта – что есть, что нет. Я могу посоветовать ту местность, которую хорошо знаю.

– Убеждены?

– Обойдёмся без карты, – повторил старик. – Надо только сперва прикинуть.

Поглаживая широкой, как лопата, ладонью колючий небритый подбородок, Матвей задумался.

– Вот листок бумаги, вот карандаш. Так, наверное, легче прикидывать? – спрашивая, предложил Исай Исаевич.

– Давайте, – согласился Матвей, пододвигаясь со стулом ближе к столу. – Сколько надо местечек-то?

– Думаю, для начала две-три точки.

– Понятно.

– Ну что, товарищ сержант? – обратился Кондратюк к помощнику. – Надо готовиться к выезду в тайгу. Когда сможем, Матвей Прокопьевич? – повернулся он к старику. Тот, наклонившись, что-то чертил на бумаге.

Оторвавшись от стола, Глушак бросил быстрый взгляд на старшего, перевёл на младшего чекиста и неожиданно заинтересовался: – А когда надо?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Тогда давайте, как обратно до дому доберусь.

– Хорошо, – одобрил сказанное Исай Исаевич. – Как закончите, – он кивнул на листок, – обсудим детали. Так, Мальков, надо подобрать состав группы, три-четыре челове-

ка. Самое главное, всё должно быть незаметно, без привлечения лишнего внимания.

– Договоримся о встрече уже в лесу, – не отрываясь от листка бумаги, уточнил охотник. – Сейчас объясню, где и как встретимся...

* * *

– Дядя Матвей, надолго уходишь в тайгу?

– Скоро промысловый сезон, надо сделать разведку. Ты же знаешь, что всегда в такое время я ухожу на несколько дней. Надо заодно и зимовьё проверить. Может, что-то подлатать придётся. Теперь наша артель будет заготавливать мясо для областного госпиталя. Идёт война, прибывают санитарными поездами с фронта раненые. В общем, Валентина, не в первый раз тебе одной на хозяйстве домашнем оставаться. Теперь ещё и в колхозе работы прибавилось. Столько мужиков в июле мобилизовали. Вижу, волнуешься?

– Сама не знаю. Так-то ничего не изменится, правда, дядя Матвей?

– А что может измениться?

– Давеча военные приезжали к нам, а потом ты в город уезжал. Зачем это?

– Как зачем? Я же тебе пояснил, что охотиться теперь можно только по специальному разрешению властей. Военное время на дворе. Все ружья будут сданы в милицию.

– Но приезжали-то не просто военные.

– А кто?

– Ну эти.

– Кто эти? Милиция, что ли?

– И не милиция, и не военные.

– Ну, тогда кто?

– Будто ты сам не знаешь?

– Если ты, Валентина, знаешь, тогда скажи.

– Кто-кто? Чекисты, вот кто!

– И почём ты знаешь, что чекисты?

– Мирониха сказывала.

– Пряма так тебе и пояснила?

– Нет, это тётя Матрёна говорила.

– Запутала меня, Валентина.

– Тётя Матрёна говорила со слов Миронихи.

– А та откуда всё знает?

– Мирониха всё знает.

– Ну да, ну да, – согласился Глушак. – О чём ещё говорила

Матрёна?

– Спрашивала, зачем к нам машина приезжала?

– Что ей ответила?

– Ответила, что по делам охотничьим. Скоро ведь сезон.

Правильно ведь, дядя Матвей?

– Правильно, правильно, – успокоил он племянницу.

– И правда, что они по делам охотничьим приезжали? И

ты потом в город ездил?

– Конечно, правда. Всё очень строго теперь. Промысловики-охотники имеют дело с оружием. Кто-то же должен за ними присматривать и контролировать? Понятно теперь?

– Теперь понятно.

– Ну ладно, мне пора, – заторопился Матвей Прокопъич, выглядывая в окно. На дворе, мотая мордой, ожидала лошадь.

– Припасы я заложила в пересумы. Кажется, ничего не забыла.

– Всё, Валюха, пора мне.

– Я провожу, дядя Матвей.

– Пойдём.

Прежде чем сесть в седло, Матвей Прокопъич приобнял племянницу.

– Ладно, ступай в дом. Ворота крепко закрой, чтобы ветром не распахнуло.

Валентина долго смотрела вслед всаднику, пока тот не скрылся за поворотом улицы по направлению к ближним сопкам.

* * *

– Вот подготовленные списки команд из красноармейцев-землекопов. – Мальков положил на стол Кондратиюку тонкую красную папку.

– Так, – произнёс Исай Исаевич и пробежал глазами по

фамилиям.

– Состав согласован с военным отделом обкома партии. Товарищ Лихонос тщательно выверил каждого из них на предмет неразглашения военной тайны.

– Теперь, главное, определиться хотя бы по первым двум-тём точкам для закладок. На совещании ты мне шепнул, что знаком с этим стариком.

– С Глушаком?

– Да.

– А во время встречи с ним он и виду не подал, что вы знакомы. Почему?

– Честно сказать, знакомство-то было шапочное. Мы проводили негласную проверку в заготконторе. Были одеты в гражданское. Промысловики получали боеприпасы. Там я этого Глушака и видел. Он чем-то отличался от остальных охотников. Может быть, возрастом, может быть, той уверенностью, которая от него исходила. Короче, запомнился этот старик.

– А досье его каково?

– Вполне приличное, если так можно выразиться. Воевал в Первую мировую, затем в Гражданскую.

– В Гражданскую здесь? В Сибири?

– Нет. На западных фронтах. Бывал даже под Перекопом.

– В Крыму?

– Да. В Крыму.

– Пехотинцем-конником?

– Конником.

– Рядовым?

– Не совсем.

– Как это?

– Во время ранения командира эскадрона какое-то время замещал его.

– Долго или нет?

– Этого не могу знать.

– А после войны какие сведения?

– После Гражданской вернулся сюда.

– Так он отсюда родом?

– Так точно. Отсюда.

– Из нашей области?

– Из нашей.

– Партийный?

– К сожалению, нет.

– Почему „к сожалению“?

– Потому что я подумал о том, о чём и вы.

– Интересно-интересно девки пляшут. И о чём же это я подумал?

– О том, почему бы в перспективе не задействовать этого человека в качестве руководителя партизанского отряда.

– Смотри-ка, а ведь я, действительно, об этом подумал. Буквально во время первой встречи с ним на конспиративной квартире.

– Вот видите...

– Хорошо! Этот разговор мы продолжим после твоего возвращения из тайги. Постарайтесь там застолбить эти точки с соблюдением рекомендуемых инструкций.

– Постараемся.

– По возвращении сразу на доклад с письменным рапортом. Выполнять!

– Есть! – Мальков круто развернулся на каблуках и, как всегда, пружинистым шагом вышел из кабинета начальника областного Управления НКВД.

...Поздно вечером по спецсвязи – аппарату ВЧ – Кондратьюк докладывал лично куратору Наркомата НКВД о закладке первых трёх схронов.

– Да, товарищ комиссар государственной безопасности, – ответил Исай Исаевич в телефонную трубку. – Так точно, начало есть! Есть ускорить работу!

Закончив разговор с Москвой, он подошёл к сейфу, провернул ключ и вынул папку с надписью в верхнем левом углу: „Совершенно секретно“. Положив её на стол, раскрыл. Эскизы маршрутов с указанием ориентиров в том случае, если выемку будет выполнять другой человек. Рисунок должен быть понятным и простым настолько, чтобы инструкции по доступу к месту можно было передать словами без использования самого рисунка. Места схронов отмечены на топографической карте. Здесь же, в папке, находился и листок с карандашными пометками Матвея Глушака, сделанные им во время встречи с чекистами на конспиративной квартире.

Внимательно просмотрев эти и другие документы, Исай Исаевич вложил все бумаги в папку и убрал в сейф.

За столом поднял телефонную трубку, попросил соединить с военным отделом обкома партии.

– Илья Николаевич? Кондратюк говорит. Что там с зарезервированным перечнем продовольствия? Утром был об этом разговор. Да? На складах всё необходимое уже завезено? Хорошо. Держите меня в курсе. Никаких заминок по поставкам быть не должно. И ещё, Илья Николаевич, необходимо добавить людей. Да-да. Землекопов. Транспорт? По-прежнему гужевой. Да, разумеется, тоже увеличить. Руководство требует ускорить работу. Всё! До связи, Илья Николаевич...

Исай Исаевич положил телефонную трубку на аппарат и нажал кнопочку вызова на тумбе под столешницей.

– Вызывали, товарищ майор?

– Проходи, Мальков. Присядь. Возвращаемся к прежней теме.

– Слушаю.

– Ты мне как-то поподробнее охарактеризуй этого Глушака Матвея Прокопьевича. Ну, скажем, как он вёл себя там, в тайге? Насколько прислушиваются к нему окружающие, насколько авторитетен он со стороны, что ли. Словом, какое у вас-то сложилось впечатление об этом человеке?

– Думаю, наделён лидерскими качествами. Ведь не зря же он в промысловой артели старшим ходил или ходит. А там

охотнички тоже будь здоров, не лыком шиты. Кстати, у одного такая и фамилия.

– Какая?

– Лыков.

– И впрямь будто говорящая фамилия.

– И главное, видно, что имеет Глушак свой голос. Говорит аргументированно. Убеждённо. Поэтому сравнительно быстро удалось наметить сразу три точки для закладки.

– Мальков, а в разведку бы ты с ним пошёл?

– Неожиданный вопрос, товарищ майор.

– Пошёл бы?

– Признаться, я в разведку в своей жизни ещё не ходил.

– Мне тоже не доводилось. Ну? – Исай Исаевич пытливо смотрел на сержанта.

– Обстоятельный товарищ. Умудрённый жизнью. Наверное, пошёл бы...

– Ладно. Списками подпольных групп занимается четвёртый отдел. У Лихоноса намечены предварительные кандидатуры. Твоя задача, Мальков, максимально близко изучить все кандидатуры. Будешь как бы негласным куратором группы наших товарищей из этого отдела.

– Слушаюсь, встав со стула, вытянул руки по швам сержант.

Настенные часы пробили полночь.

– На этом всё. Отдыхать...

– Куда всё глядишь и глядишь? От окна не оторвать! – ворчливо спросила мужа Матрёна.

– Куда надо, туда и смотрю, – отозвался Ермоха.

– Куда надо, куда надо, – передразнила его жена и тоже подошла к окну. – Ну? И кого там выглядел. Баб вроде нет? Пусто на улице.

– У тебя только бабы на уме, – беззлобно сказал Ермоха, поправляя шторку на окне.

– Это у меня-то с чего? – хмыкнула Матрёна. – Это они у тебя всю дорогу интерес имели.

– Прямо-таки интерес. Слова какие она говорит!

– Не так, что ли? С молодости ещё.

– Так это с молодости, – согласился Ермоха. – А сейчас другое дело.

– Дело другое, а мечты те же.

– О чём ты балаболишь? Какие, к шутам, мечты?

– Сам знаешь, какие. В голову тебе не залезешь, но жизнь прожили, я тебя насквозь знаю. И чего думаешь, и чего хочешь.

– В том-то и дело, Матрёна, что жизнь прожили. Девоч вырастили, в люди вывели. Обе выучились на фельдшерлиц. Давно не виделись. Соскучилась я по ним.

– Я тоже соскучился. – Ермоха обнял жену за полные пле-

чи. – Им теперь там, в госпитале, дел невпроворот.

– И то правда, – вздохнув, согласилась она, освобождаясь от рук мужа. – А чего такие нежности вдруг? Чего заластился? Вроде не с похмелья...

– Только с похмелья и можно обняться? Чтобы налила стакашек?

– А всё же кого там высматривал-то?

– Матвей проехал на кобыле.

– Куда?

– Знамо, куда. Поди в тайгу на разведку собрался с утра пораньше.

– Говорят, ружья у охотников отберут.

– Кто говорит?

– В сельпо говорили бабы.

– И кто отберёт?

– Власти, конечно.

– Кому они помешали?

– Кто?

– Охотники.

– Не они помешали, а ружья.

– А ружья при чём?

– Бабы говорили, что с милиции приедут отбирать.

Вспомнила! Давеча-то к Матвею приезжали.

– К Глушаку?

– Кто у нас Матвей, если не Глушак? К нему, конечно.

Мирониха видела. Прямо к калитке машина чёрная подъе-

хала, и вылезли из неё два военных в фуражках со звёздочками.

– Ты смотри-ка! – встрепенулся Ермоха. – И Мирониха видела, что военные с ружьём Матвеевским выходили со двора?

– Этого Мирониха не видела. Ушла с улицы в дом от греха подальше.

– Погоди, так это, наверное, не военные, а милиция? Те тоже в форме?

– Нет, у Миронихиной сваты племянник в городе в милиции служит.

– И что?

– У милиционеров форма другая. Эти, которые приезжали, военные. У них зелёные гимнастёрки и синие галифе. И на рукавах нашивки.

– Нашивки? – удивился Ермоха. – Какие нашивки?

– Не знаю. Не я же видела ту машину с приезжими, а Мирониха. А какие нашивки-то, Ермолай?

– Военные так просто на легковых автомобилях по деревням не разъезжают, – продолжал рассуждать тот.

– Тебя не поймёшь. Не милиционеры, не военные. Тогда кто они?

– Кто-кто? Конь в пальто, – понижая голос и почему-то поглядев на входную дверь, отозвался Ермоха. – Остаётся, что органы.

– Кто? – переспросила Матрёна.

– Органы, что до войны по ночам на „воронках“ ездили, – почти шёпотом пояснил Ермоха и опять скосил глаза на входную дверь.

– Да что ты говоришь? – ужаснулась Матрёна, приседая на табуретку. – Они самые? – Она указала вверх на потолок большим пальцем.

Ермоха молча кивнул. Затем резко встал с места, подошёл к окну и зачем-то задёрнул полностью шторку. Обернулся к жене, о чём-то задумываясь.

– Что? Что, Ермолай?

Тот мрачно усмехнулся и неопределённо произнёс, обращаясь к жене:

– А тогда зачем же сегодня Глушак в тайгу собрался, если у него ружьё изъяли? А, Матрёна?

Та пожала плечами, не сводя настороженного взгляда с мужа.

– Зачем поехал в тайгу, если охоту теперь запретили? – повторил в поисках внутреннего ответа Ермоха, но ответа он найти не мог. А Матрёна вообще теперь пребывала в полной растерянности. Одна мысль у неё напирала на другую и в итоге в голове образовалась каша.

– Если только у одного Глушака забрали ружьё, то почему у других нет? Не один же Глушак в деревне охотой промышляет? Мирониха, значит, не видела, что машина к другим подъезжала?

– Может, и подъезжала, деревня-то у нас не с кулачок. Мо-

жет, на другом конце к другим тоже эти, в фуражках, навесывались?

– Может, – согласился Ермоха. – Только самых заядлых охотников-то мобилизовали. Сейчас и Чистохин, и Лыков, и Козлов далеко отсюда.

– Они-то далеко, а ружья? – сказала Матрёна.

– Окромья Миронихи, никто ничего не говорил? Вот ведь загадал загадку Глушак, – допытывался Ермоха. Он почему-то вдруг перестал называть соседа по улице Прокопьевичем, официально перешёл на фамилию.

– Никто, – подтвердила Матрёна.

– Дела. – Ермоха по привычке яростно почесал плешь на голове. – Тогда получается, что никто у него ружья и не изымал? Тогда зачем же эти приезжали? Вальку бы расспросить, а, Матрёна?

– Нет, Ермолай. Лучше носа не совать... Потом всё равно узнаем. Вернётся, сам у него и спросишь. А лучше молчать. Я же говорю, лучше носа не совать...

Супруги с минуту помолчали.

– Ладно, пора за свои дела приниматься, – нарушила молчание Матрёна.

– Пора, – согласился Ермоха. – Пойду коровник почищу. Вари обед.

– Ты мне картошки подкопай на щи. Сырая земля-то. И когда теперь копать огород будем с этими дождями?

– Ты про свой огород теперь, Матрёна, забудь. На колхоз-

ном поле грязи по колено. Сначала там картоху надо вытаскивать. Бригадир сказал давеча, что, как маленько распогодится, так и всем миром надо навалиться. Что? Что, Матрёна, рот закрыла-то? Ещё не привыкла?

– Не привыкла я, Ермолай. – Она вдруг безвольно присела на табуретку и утёрла посудным полотенцем вдруг повлажневшие глаза.

Ермоха в полунадетом дождевике подошёл, наклонился, тронул за плечо жену.

– Ничего, мать, привыкнем, переживём.

– Переживём, если не помрём. – Матрёна опять утёрла глаза полотенцем. – Ой, посудное же!

– Не помрём, Матрёна Ивановна, не помрём.

– Ладно. Иди уже. Мне скоро тоже бежать на вечернюю дойку...

* * *

– Видел Вальку? – спросила у мужа вечером Матрёна.

– Где с ней видеться-то? – буркнул тот в ответ.

– Ходил же к столбу последние новости слушать?

– И что с того?

– И Матвея не видать...

– Глушака-то?

– А кого ж ещё? А чего ты, Ермолай, вдруг перестал его по имени называть? Строго теперь по фамилии кличешь.

– А с чего ты меня строго Ермолаем стала звать?

– С чего? С чего? С того, что не век же тебе Ермохой быть?

Все тебя в селе так называют.

– Так и ты меня завсегда Ермоха-Ермоха...

– Ну, конечно, завсегда! Скажешь тоже.

– Не так, что ли?

– Не брешь. По молодости в Ермолашах ходил. Не помнишь?

– Что-то не припомню, – опять зачесал голову Ермоха.

– Поменьше бы в стакашек с самогоном заглядывал, так и память бы на месте была. Растворилась твоя память в этой самогонке.

– Ну, разворчалась на ровном месте, – фыркнул Ермоха. – Муж у неё, оказывается, пьяница. Вот те раз. Вот, когда карты открываются...

– Ладно, может, я пошутила?

– Пошутила она.

– Не обижайся. На обиженных воду возят.

– Ага. Кто-то кого-то на шее возит и терпит.

– Это ты кого сейчас подразумеваешь?

– Есть личности.

– На меня намекаешь? Ну, спасибо, что хоть жена его личность. – Матрёна улыбнулась и поклонилась мужу. – Ладно, хорош придуриваться. За водой, действительно, надо идти. Кадушка почти пустая. Бери вёдра с коромыслом и дуй. За весь день у него времени не нашлось.

– Ты бы сказала.

– Сам не видишь, что кадушка скоро пересохнет.

– Иди уже. Я пока чай поставлю. Полдничать будем.

– Так ужин скоро.

– Чай-то не пили.

– Ставь, я пошёл. Может, Валька встретится? А Глушака не видать. Как уехал, так ещё не возвращался.

– Увидели бы.

– Конечно, увидели бы. Другой дорогой не проехал бы. Зимовьё, поди, ремонтирует. Сезон скоро. До Покрова совсем ничего.

– Ага, ничего! Картоха ещё не копана. Весь сентябрь, почитай, впереди...

– Куда она денется, картоха эта? Выкопаем. И сентябрь пролетит. Зима не за горами. К зиме-то, может, и обратно немца погоним, а, Матрёна? – остановился на пороге у двери в сени Ермоха.

– Кто ж его знает? Как мобилизовали, считай, по июлю мужиков, так до сих пор ни от кого ни слуху ни духу.

– Ни от кого никаких вестей?

– Ни от кого, – покачала головой Матрёна. – Было бы, так бабы в магазине сказали.

– Это сколько же наших уехало?

– Почитай, через двор.

– Напишут, поди. Почта полевая – дело долгое. Война во-на где громыхает, а мы вона где живём. Письмам через всю

страну идти...

– Давеча новости со столба у сельсовета слушал.

– Ну?

– Чего хоть нового? Бьют наши фашистов?

– Бьют, Матрёна. Только перья от них летят.

– Побыстрее бы уж общипать этого ирода Гитлера.

– Вот и я говорю, может, к Новому году попрём? У Глушака мнение спрашивал.

– Когда?

– Да разговаривали после сенокоса.

– И что говорит Матвей-то?

– Что говорит? Что говорит? Ничего не говорит. Не знает он.

– Откуда ему знать? Ни он не знает, ни мы не знаем. Никто не знает.

– А как думаешь, Матрёна, Сталин знает?

– А ты пойдя спроси у него.

– Я серьёзно, Матрёна.

– Конечно, знает. Он знает всё, что нам, простым смертным, знать пока не полагается.

– Вот и я понимаю, что Сталин знает. А если он знает, то особенно и переживать поди не надо? Как думаешь, Матрёна?

– Как не переживать? Вон сколько людей в июле на войну уехало. Только с одних нас полдеревни, а со всей страны? Представить страшно...

...В первые военные месяцы поля опустели. На фронт забрали главных работников – мужчин, а также технику и лошадей. Молодёжь мобилизовали на оборонные предприятия. Не хватало трактористов, комбайнёров и других специалистов. Вся тяжесть сельскохозяйственных работ легла на плечи женщин, стариков и детей. В этих условиях руководство делало всё возможное, чтобы обеспечить уборку и сдачу хлеба. Не случайно на страницах газет агропромышленная тема была основной. В июле 1941 года обком ВКП(б) обязал местные органы власти привлечь к проведению сельскохозяйственных работ все трудоспособное население, включая домохозяек и школьников. В таких чрезвычайных условиях своевременно убрать урожай 1941-го и подготовить землю под посевы следующего года не удалось. Началось сокращение возделываемых площадей, уменьшилось поголовье скота, резко снизилась урожайность.

– Слышь, Матрёна, – с порога известил жену Ермоха, вернувшись с собрания колхозного актива, – курсы механизаторов открываются.

– Когда? Где?

– Буквально на днях. При машинно-тракторных станциях. Председатель сказал, что для исправления ситуации решено усилить подготовку механизаторских кадров.

– И сколько будут учить?

– Трёхмесячные курсы без отрыва от работы.

– Понятное дело. Вон сколько народу забрали на войну.

– Был бы помоложе, тоже записался, – скороговоркой сообщил доверительно Ермоха.

– Чего?

– Тоже, говорю, записался бы. Председатель был на совещании в районе. Говорит, запись по хозяйствам идёт полным ходом. И на трактористов, и на комбайнёров. Говорит, что много женщин идут.

– Вот с этого бы и начинал: „много женщин“, – недовольно передразнила Матрёна, сделав акцент на последних словах мужа.

– Ну, едрёный корень. Кто о чём, а вшивый о бане, – с долей обиды в голосе ответил Ермоха.

– Вот-вот, „кто о чём“, – совсем беззлобно съязвила Матрёна.

– Да, мать, теперь в основном на бабах да ребятишках и будет держаться деревня, – серьёзно и без всяких намёков на шутки, – отозвался после долгой повисшей в тишине паузы Ермоха. Он сидел на табурете и смотрел в окно, за которым вились в воздухе первые снежинки.

– Да уж, – согласилась Матрёна, со вздохом тоже присаживаясь на табурет у стола. – С Миронихой давеча виделась. Говорит, в городе ввели продовольственные карточки на хлеб и сахар.

– Откуда она узнала?

– Так невестка-то в городе у неё. Письмо прислала.

– А-а-а, – понимающе протянул Ермоха. – Чего ещё рассказывает? Скоро, мол, наверное, карточная система распространится на мясо и рыбу, крупу и макароны.

– На всех, что ли, одинаково? Под одну гребёнку?

– Нет. Мирониха пояснила, что на четыре, как его?

– Что как его?

– Да слово запомнила. А, вспомнила, категории. Четыре категории.

– И кого же это на кого поделили?

– Значит, на рабочих, на итээр, на служащих и на детей, то есть иждивенцев.

– Итээр – это, кажись, инженеры и техники?

– Да, Мирониха так и сказала.

– Невестка-то к каким относится?

– В райисполкоме работает. На машинке печатает.

– Понятно. Это служащая, – заметил Ермоха. – А зять где?

– Так призвали его. Ещё в июле. По массовой мобилизации.

– Это понятно. Работал где?

– Там же, где и жена. Шоферил он там.

– Понятно.

Опять на кухне повисла пауза.

– Что в городе, что в деревне совсем несладко теперь будет, – тревожно заметила Матрёна.

– Какие уж тут сладости? Те же трудовни взять. До войны и то не сахар с ними был, а теперь? Как на них будем выживать? А выживать, Матрёна, надо. Нас хоть здесь не бомбят, не оккупируют, как на западе. В тылу всё равно полегче, чем там, так что скулить вроде как и грешно...

* * *

Ещё до войны для колхозников был введён обязательный минимум выработки трудовых. В то же время упала реальная зарплата работников сельского хозяйства. Снизилась выработка на колхозный трудовой день. Незадолго до войны, в январе 1941 года, постановлением Советского правительства и Центрального Комитета ВКП(б) была введена дополнительная оплата труда натурой или деньгами за перевыполнение планов в полеводстве и животноводстве. Это, конечно, материально заинтересовывало колхозников, но часто было так, что и на обычный трудовой день нечего было выдавать, не говоря уже о дополнительной оплате.

Крестьянин был вынужден, уменьшая свои потребности, продавать на городском рынке продукты сельского хозяйства и приобретать там самое необходимое: соль, спички, керосин, мыло, одежду, обувь, предметы домашнего обихода, а чаще всего крестьяне шли на прямой обмен продовольствия на промтовары. В военные годы захирела потребительская кооперация, сократилось и число сельмагов.

Трудодень не равнялся дневной смене. В зависимости от сложности работ за смену колхозник мог получить полтора или даже два трудодня. В течение года каждый „набирал“ определенное количество трудодней: частично за них выдавали денежный аванс или продукты в течение года, а остатки закрывали по итогам расчёта с государством. При получении аванса многие крестьяне „перебирали“ и в итоге оставались должны колхозу. Полный расчёт производился только при условии, что колхоз выполнил госплан. Если нет – то и колхозники в конце года ничего не получали. Каждая заработанная „палочка“ вносилась в книжку колхозника, а общее количество выработанных всеми трудодней фиксировалось в колхозной книге учёта. На основании записей в конце года натуральные остатки и деньги от реализованной продукции колхоз распределял согласно выработанным трудодням между колхозниками.

Особенно тяжело сибирякам пришлось в первые месяцы войны, ведь необходимо было работать в совершенно ином темпе, перестраиваясь на военный лад. Мобилизация материальных и трудовых ресурсов в сельском хозяйстве на обеспечение потребностей армии и городов, эвакуация скота и имущества в глубинные районы страны, увеличение посевов зерна, картофеля и овощей, а также технических культур в восточных районах, организация подсобных хозяйств при предприятиях, увеличение минимума трудодней – такие сложнейшие требования были изложены 3 июля 1941 года

...Матвей вернулся из тайги затемно. Валентина давно прибрала подоила корову, бросила ей и бычку с телёнком по навильнику сена. Сварила ужин, но ещё не садилась. Начало сентября. Погода пасмурная. Темнеет раньше. За окошком весело взвизгнул Полкан.

– Дядя приехал! – радостно воскликнула Валентина и, накинув на плечи полушалок, выскочила в сени. Сдёрнула с петли массивный крючок, распахивая дощатую дверь. А по ступенькам крыльца подымался Матвей. Вслед ему фыркнул во дворе конь.

– Не ждала?

– Как же? Конечно, но уж думала, завтра-то точно вернёшься, дядя Матвей.

– Вот и я говорю, что по темноте-то, мол, навряд ли, – объяснял он. – Ты, Валюха, коня под навес переведи.

– Расседлать?

– Я уже расседлал. Сена охапку кинь.

– А воды?

– Давеча в реке напоил.

– Ага. Я мигом. И ужинать будем. Картошки нажарила с зелёным луком и салом, но сама ещё не ела.

– Отчего же?

– Не хотелось. Не проголодалась. Полдничала поздно.

Матвей Прокопъич повесил в сенях на гвоздик отощавший вещмешок и скинул дождевик. В кухоньке вкусно пахло жареной картошкой. Вернулась с улицы Валентина.

– Какие новости, пока меня не было? – споласкивая лицо у рукомойника в углу кухоньки, разделённой от горницы дощатой перегородкой, поинтересовался дядя.

– Ничего нового, – хозяйничая у печки, ответила девушка.

– С Ермохой не виделась?

– Нет. А что?

– Как это он до сих пор не спросил, куда я поехал на коне?

– Так, может, он и не знает? Или знает? Если бы мы виделись, поди бы спросил. Любопытный до чего этот Ермоха, я не могу.

– Ну, ладно. Давай, что ли, ужинать. Чую вкусную картошку.

– Ага, – согласилась Валентина, подцепив железной рога-тинкой тяжёлую чёрную сковороду. Поставила на подставку посреди стола. Вынула из настенного шкафчика хлеб. Откинув крышку подполья, достала крынку с холодным молоком.

– Ты, дядя Матвей, сам расскажи, что там и как в лесу-то? Как зимовейка?

– В порядке простояла весну и всё лето. Только крышу пришлось берестой подлатать. Дверь покосило.

– От чего?

– От дождей плахи в проёме разбухли, дверь и покосило.

Вроде лето сухое было. Дожди зарядили только с половины августа. Эту непогоду не понять. Тучки над тем местом постоянно вились, сама же знаешь, когда с сенокосом управлялись. В деревне осадков нет, а за речкой полосой. Всяко бывает.

– Бывает, – согласилась Валька. – С девчонками как-то в дождь купались. Пришли на речку, солнце светит напропалую. Потом откуда что принесло. Закапало-закапало. Тёплый такой дождик. А домой вернулись с речки, крыши-то сухие.

Она налила по стаканам молоко, подала вилки.

– Хватило продуктов-то?

– Как раз угадала положить.

– Завтра щей наварю со свежей капустой. Кочаны, правда, нынче не очень. Воды с речки на полив не натаскаешься, – с сожалением заметила девушка.

– Какая уродилась, такая и пригодилась, – успокоил её Матвей, запивая картошку молоком.

– Начинать надо копать картошку. В эти дни люди дома урывками копали.

– Как в колхозе дела? Успеваете?

– Куда денешься? С бабами, как белки в колесе крутимся.

– Картошка, капуста, огурцы будут – уже, считай, неголодная зима грядёт, – тихо произнёс Матвей. – В деревнях к тому же скотина домашняя. А вот городу труднее...

– Ну и хлеб, – добавила к перечисленному Валентина.

– Насчёт хлеба не знаю, – покачал головой Матвей Прокопыч.

– Это как? – опуская вилку, насторожилась девушка.

– Наверное, поставки муки сократят.

– И, значит, хлеба будет меньше? И городу совсем туго?..

– Значит, меньше. На западе уборочную перечеркнула война. Сибирь будет отправлять всё, что сможет. Фронт надо кормить. Без крепкого тыла фронта не бывает. И победы тоже, – после короткого раздумья произнёс дядя, оставляя пустой стакан в сторону.

– Ещё молока налить?

– Нет, лучше горячего чаю.

– Сейчас.

На раскалённой плите тоненько сипел паром чайник.

– Погода устоялась. Может, завтра и начнём копать? Вернее, с утра и начну.

– Начинай, а я после фермы помогу. Скоро бабье лето, так что самая пора, – согласилась Валентина. – Бывало, до войны-то люди, глядя один на другого, копают картошку, тянут её из размокшей земли, а потом раз – и бабье лето. Солнце, теплынь. – Она налила чай. Достала из шкафчика блюдце с колотыми кусочками сахара-рафинада.

– Дядя Матвей, можно спросить? – пододвигая заварник со свежим чаем, молвила Валентина.

– Ну?

– А в Первую мировую войну всё так же было?..

– В Первую мировую? – с удивлением переспросил он.

– Ага.

– Я не знаю, как и что сейчас на фронте, я ведь не там, а здесь. Наверное, так же страшно солдатам, как и тогда.

– А тогда страшно было? Очень?

– Ох, Валюха, не то слово.

– Ну, что-нибудь расскажи, дядя Матвей.

– Столько времени прошло...

– Ничего не запомнилось?

– Как же не запомнилось. Война – это такая штука, что её трудно забыть. Не стереть её из памяти.

– Ну, вот же...

– В июле шестнадцатого года немцы предприняли газовую атаку. Противогазы имелись, но, надев их, солдаты перестали слышать команды. Когда немцы полезли на штурм, началась неразбериха и паника. Тогда наш полковник снял маску и начал отдавать приказания. Его примеру последовали офицеры. Паника улеглась, атаку отбили. Большинство солдат уцелело.

– А что стало с офицерами?

– Отравились и погибли...

– И не смогли спасти?

– Газ, Валюха, такое подлейшее оружие, что не приведи господь. Однажды я приковылял на полковой перевязочный пункт. Чиркнуло скользом пулей в руку. А на соседней позиции, где-то в километре-двух от нас, немец опять атако-

вал газом. Привезли с позиции огромное количество людей, отравленных удушливыми газами. Весь госпиталь был переполнен этими несчастными страдальцами, которые, страшно хрипя, бросались во все стороны, ища спасения. Просили пить, положить на голову холодный компресс. Им дают и то, и другое, делают уколы, но, видно, ничего не помогает. Против моей койки лежал один такой отравленный. Мечется из стороны в сторону. Сделали несколько уколов, давали пить, но он всё кричит и молит о помощи. Подошла сестра, посадила его на койке, но он не может сидеть, а она не может удержать его. Подошёл фельдшер. Стал делать укол, да толку-то? Из рта пена. Стал корчиться. Сестра заплакала. Пришли санитары, завернули мертвого в простыню и унесли на носилках. С утра и до трёх часов дня, покуда я ждал отправления, из нашей палаты вынесли десять человек мёртвых.

– Страшно, – прошептала Валентина.

– Конечно, страшно...

– Дядя Матвей, а женщины были на войне?

– Встречались. Воевали наравне с мужиками. Помню одну. Кажется, из Ставрополя родом. Имя редкое – Римма, а фамилия частая – Иванова. Говорили, что она окончила гимназию, стала учительницей. Но с началом войны прошла курсы медсестёр и отправилась на фронт. В госпитале остаться не захотела, ушла на передовую. Говорили, что родители тревожились, уговаривали вернуться.

– А она?

– Отвечала родителям в письмах, что перевязочный пункт не подвергается обстрелу. Она выносила раненых под огнём. Однажды при отходе даже приняла командование группой солдат. Была награждена солдатским Георгием IV степени и двумя георгиевскими медалями. Солдаты в ней души не чаяли, считали своим главным талисманом и называли „святой Риммой“.

– Что же с ней дальше было?

– Этого я не знаю.

– Интересно как, дядя Матвей. Ещё что-нибудь расскажи.

– Всего рассказать – не пересказать. Да и хватит, поди, о той войне. Теперь вот другая запылилась...

... Что мог ещё рассказать своей племяннице старый вояка Первой мировой Матвей Глушак? О том, что нужно провести один день и одну ночь на фронте в морозную погоду, чтобы оценить, что переносят люди в окопах? А если прибавить к резкому холоду и сырому ветру усталость от постоянной бдительности, не говоря уже об истощении в бою?

Кто не был здесь, тот не может представить себе все те ужасы, которые несёт с собою настоящая война. От грохота орудий и ружейной пальбы нельзя слышать друг друга. Снаряды летят непрерывно днём и ночью с визгом и воем, торжествуя свою победу над цивилизацией XX века. Жизнь солдата на войне – это жизнь крота или ежа. Только ночью он может сравнительно безопасно вылезать из своей норы, сходить за водой, получить порцию. Спать приходится мало: за

выстрелами и грохотом сон превращается в какую-то полудремоту, когда и спишь, и слышишь всё. Нервы напрягаются до последней возможности, как от положения, так и от лишений всякого рода. Раздеваться и разуваться не приходится по месяцу и более. Вши вырастают поразительной величины, и одни они приносят человеку массу постоянных мучений. Про то, что приходится не есть, не пить, не спать и т. д., и говорить нечего – это обычное явление. Кто был на войне, участвовал в ней, тот мог понять, какое это великое зло. Люди должны стремиться к тому, чтобы уничтожить её.

В течение трёх недель были непрерывные морозы. У солдат, кроме их обычных шинелей, ничего тёплого не было. Масса выбывали из строя совершенно здоровые, но с отмороженными руками и ногами. Конечно, предвидеть, что зимой бывают холода, было всегда можно; поэтому нельзя найти никакого оправдания интендантству, что оно своевременно не снабдило частей тёплыми вещами. Сон, несмотря на самую большую усталость, при таких условиях на холоде почти невозможен, поэтому нельзя смотреть на нашу пехоту иначе, как на мучеников первых времён христианства. Хуже всего то, что в окопах нельзя совсем двигаться, так как всякому высунувшемуся хоть на мгновенье грозит неприятельская пуля, а окопы у нас неглубокие, так как они рылись в мёрзлой земле под неприятельским огнём.

Приморской операцией, последней крупной операцией Гражданской войны, руководил главнокомандующий Народно-революционной армии и военный министр Дальневосточной Республики Иероним Петрович Уборевич. В Читу Уборевич приехал в августе 1922 года. Ему было двадцать шесть лет. После окончания артиллерийского училища в 1916 году в звании подпоручика участвовал в войне с германцами. В годы Гражданской войны вырос с должности командира отряда до командующего армией, имел три ордена Красного Знамени. Перед приездом в ДРА командовал 5-й армией и войсками Восточно-Сибирского военного округа в Иркутске. 19 октября 1922 года 1-я Забайкальская дивизия вышла на ближайшие подступы к Владивостоку. Рабочие и служащие города начали всеобщую забастовку, требуя от японских интервентов пропустить НРА. Японское командование было вынуждено подписать соглашение о выводе своей армии с Дальнего Востока. 25 октября в 16 часов 25 минут войска Народно-революционной армии и отряды красных партизан вступили во Владивосток. Главком И.П. Уборевич получил письмо: „Его Превосходительству Главнокомандующему Читинской армией Уборевичу. К несчастью, мне пришлось с Вами свидеться друг против друга с оружием в руках, о чём я очень жалел, но, к счастью, по Ва-

шему высоко справедливому и своевременному распоряжению этого удалось избежать и мирно расстаться, что я считаю большим счастьем для обоих государств и армий, и будет залогом будущего дружественного отношения, открываемого в скором будущем, и с тем вместе желаю Вам всего наилучшего. Владивосток. Главнокомандующий японскими войсками генерал Тачибана“.

Японские генералы не сдержали своего слова. Вместо „дружественных отношений“ они через десять лет вывели свою Квантунскую армию на границы Дальнего Востока и Забайкалья, мечтая скрестить мечи с Россией для достижения мирового господства.

* * *

В начале 1941 года органы НКВД подверглись реорганизации. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 года НКВД был разделён на Народный комиссариат внутренних дел под руководством Берии и Народный комиссариат государственной безопасности СССР под руководством Меркулова. Нет сомнения в том, что это было совершенно правильное решение. Жаль, что его выполнение нанесло серьёзный ущерб подготовке органов государственной безопасности к грядущей войне. Хотя сроки реорганизации и были установлены жёсткие, они на практике несколько затянулись. Вместо быстреего проведения необходимых

мобилизационных мероприятий, ориентированных на военное время, активную подготовку органов госбезопасности, внутренних дел и военной контрразведки к работе в условиях войны, много времени ушло на разного рода мероприятия, связанные с передачей зданий, помещений, дел, архивов. Руководящие и оперативные работники органов госбезопасности отвлекались от выполнения основных функций по организации эффективной агентурно-оперативной деятельности, исправления в ней существенных недостатков и упущений, особенно в области укрепления социалистической законности. Люди есть люди, и, не зная, в какой системе они будут находиться, переставали работать в полную силу.

В связи с переходом от мирного времени на военные условия работы указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года НКВД и НКГБ были объединены в единый Народный комиссариат внутренних дел. Наркомом был назначен Лаврентий Павлович Берия, его заместителем Всеволод Николаевич Меркулов.

* * *

21 июня 1941 года, когда в городе подходил к концу тёплый летний вечер, Кондратюку по телефону правительственной связи позвонили из 2-го – контрразведывательного – управления Наркомата государственной безопасности и поинтересовались обстановкой на границе и за кордоном. По-

лучив информацию о том, что никаких тревожных изменений пока не зафиксировано, москвичи предупредили майора госбезопасности о необходимости быть этой ночью и завтра, в воскресенье, дома или в управлении. Доверительно сообщили, что из-за осложнений на западной границе руководящий состав наркомата перешёл на казарменное положение и самую короткую ночь будет находиться на рабочих местах. Ни в Центре, ни на местах ещё не знали о поступлении 21 июня в 13 часов по берлинскому времени (в Москве было 14 часов) сигнала „Дортмунд“ в германские войска, сосредоточенные у границ с СССР. Сигнал означал, что наступление на Россию начнётся 22 июня в 3 часа 30 минут и германским войскам можно приступать к открытому выполнению секретных приказов о боевых действиях. До начала операции „Барбаросса“ оставались считанные часы. В строжайшей секретности шла подготовка к этой операции, начавшаяся после подписания Гитлером 18 декабря 1940 года директивы № 21 (план „Барбаросса“).

Кондратюк помнил и приказ НКВД от 18 декабря 1940 года, доводивший решение Совета Народных Комиссаров СССР о задержке увольнения в пограничных войсках НКВД сроком на один год семи тысяч человек рядового и младшего начальствующего состава, заканчивающего к 1 января 1941 года трёхлетнюю службу. Они направлялись для усиления охраны западной границы.

Исай Исаевич понимал, что на западе страны увеличива-

ется угроза войны и, несмотря на усиление японской Квантунской армии в Маньчжурии и постоянные провокации японских спецслужб на забайкальских и дальневосточных границах, по распоряжению Наркомата обороны в мае 1941 года началась передислокация в Белоруссию 16-й армии, сформированной год назад в Сибири. Чекисты обеспечивали секретность и безопасность перевозок подразделений армии по железной дороге. Воскресный день 22 июня в городе был солнечным и жарким. Многие горожане купались и загорали на речке.

Во втором часу дня по местному времени из наркомата по телефону проинформировали Кондратюка о встрече наркомата иностранных дел СССР В.М. Молотова с германским послом в Москве Шуленбургом, которая произошла в 5 часов 30 минут московского времени. Посол сделал заявление о том, что германское правительство решило выступить войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной армии у восточной германской границы. Исай Исаевич позвонил в обком ВКП(б). Илья Николаевич Лихонос ответил, что получена аналогичная информация из ЦК. Обкому предложили начать осуществление мероприятий, намеченных на военное время, но запретили делать публичные заявления о начале войны до выступления по радио В.М. Молотова, которое ожидается в 12 часов московского утра. В 9 часов 10 минут московского времени из НКГБ последовала подписанная наркомом В.Н. Меркуловым шифротеле-

грамма с директивой № 127 „О мероприятиях органов госбезопасности в связи с начавшимися военными действиями с Германией“. Она состояли из пяти пунктов, кратко излагавших перечень первоочередных мероприятий. Ко времени расшифровки телеграммы в Управление собрались большинство работников, поднятых по тревоге, многие из них были на стадионе „Динамо“. В глубокой тишине они прослушали по радио выступление заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и одновременно народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова.

Кондратюк зачитал свой первый в военное время приказ: „Сегодня, 22 июня 1941 года, германские войска напали на мирное население городов Советского Союза. В связи с возникновением войны Германии с СССР приказываю: 1. Весь личный состав Управления НКГБ и его периферийных органов, находящийся в отпусках, из отпусков отозвать и обратиться к исполнению своих обязанностей. 2. Всему личному составу Управления НКГБ и его периферийных органов запретить отлучку вне служебного времени за пределы черты города и места дислокаций окружного отдела, межрайотдела, межрайотделений, райотделений, оперативных отделений НКГБ без ведома начальников отделов и указанных органов. 3. Запретить отделу кадров предоставление отпусков всему личному составу УНКГБ без моего на то разрешения“.

Сотрудников ознакомили с директивой № 127 и приказали немедленно приступить к её выполнению. В это время

на городском стадионе шла футбольная дуэль двух команд. Стадион был полон. После первого тайма по радио было объявлено о начале войны, но зрители и футболисты решили довести игру до конца. Вечером 23 июня Кондратюк отправил в НКГБ шифротелеграмму: „На Ваш приказ № 127 докладываю: аппарат органов НКГБ области приведён в мобилизационную готовность. Обращено внимание на своевременное вскрытие, предупреждение и пресечение деятельности вражеских элементов. Организована охрана по усиленному варианту важнейших объектов. Особое внимание было уделено охране предприятий, ж. д. мостов и туннелей. Усилия милиции направлены на борьбу с хулиганами, спекулянтами, приведены в готовность пожарные команды. Усилена охрана и наблюдение за консульствами Маньчжоу-Го и Китая. Организовано взаимодействие по выполнению Ваших указаний с 3-м отделом военного и пограничного округов“.

...В эти невероятно тяжёлые дни Верховному Главнокомандованию очень важно было знать планы союзника германского фашизма Японии. 26 июня советские разведчики получили информацию – Япония хочет молча смотреть на развитие войны Германии и Советской России и не спешит воевать с СССР. Однако в начале июля на совещании высших государственных деятелей Японии решили: „Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооружённой силе, разрешит северную проблему“.

25 августа 1941 года в прифронтовых областях и областях, объявленных на военном положении, создали 4-е отделы. В приказе НКВД СССР говорилось: „Существующие... оперативные группы НКВД – УНКВД республик, краёв и областей по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе реорганизовать в 4-е отделы... Возложить на 4-е отделы организацию и руководство боевой деятельностью истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп“. В связи с угрожающим положением на Дальнем Востоке и Забайкалье в октябре действие приказа распространили на УНКВД по Приморскому и Хабаровскому краям, Амурской и Читинской областям. Вскоре в чекистском обиходе 4-е отделы стали называть зафронтовыми.

На планёрном совещании Исая Исаевич пояснил цели и задачи вновь созданной структуры: – В 4-м отделе нашего управления имеется четыре отделения, более двадцати оперативных работников и специалистов по подрывному делу и радио. Как говорится, негусто. На них ложится основная задача по созданию партизанских отрядов, закладке для них базы с оружием и продовольствием, формированию разведывательной сети для работы в условиях японской оккупации, оказании помощи обкому партии в подборе людей для создания партийного подполья. Работа проходит в условиях строжайшей конспирации. Они же заняты формированием диверсионно-разведывательных групп для заброски в тыл

предполагаемого противника. Группа состоит из руководителя, радиста, нескольких разведчиков и диверсантов. Их обучали на особых спецкурсах, легендируя подготовку военным всеобучем. По условиям конспирации члены группы незнакомы между собой, они знают лишь своего руководителя и нашего сотрудника. На каждого чекиста приходилось несколько диверсионно-разведывательных групп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.